

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины»¹

(Жалоба № 17224/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 27 июня 2017 г.

По делу «Отделение исламской общины в Брчко и другие против Боснии и Герцеговины» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Андраша Шайо, *Председателя Большой Палаты*,
Ишиль Каракаш,
Ангелики Нуссбергер,
Ханлара Гаджиева,
Луиса Лопеса Герра,
Мирьяны Лазаровой Трайковской,
Небойши Вучинича,
Винсента А. де Гаэтано,
Андре Потоцкого,
Пола Махони,
Фариса Вехабовича,
Эгидиуса Куриса,
Юлии Моток,
Йона Фридрика Кьельбро,
Мартиньша Митса,
Стефани Муру-Викстрём,
Габриэле Кучко-Штадлмейера, *судей*,
а также при участии Сёрена Пребенсена, *заместителя Секретаря Большой Палаты*,
рассматривая дело в открытых заседаниях
31 августа 2016 г. и 16 марта 2017 г.,
вынес в последнюю указанную дату следующее
Постановление:

¹ Перевод с английского языка Г.А. Николаева.

² Настоящее Постановление вступило в силу 27 июня 2017 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 17224/11, поданной против Боснии и Герцеговины в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), поданной Отделением исламской общины в Брчко (*Medžlis Islamske zajednice Brčko*), культурным обществом бошняков «Препород» (*Bošnjačka zajednica kulture «Preporod»*), благотворительной ассоциацией бошняков «Мерхамет» (*«Merhamet» Humanitarno udruženje građana Bošnjaka Brčko Distrikta*) и Советом бошняцких интеллектуалов (*Vijeće Kongresa Bošnjačkih intelektualaca Brčko Distrikta*) (далее – заявители) 21 января 2011 г. Как указали заявители, первый заявитель является отделением религиозной общины мусульман в округе Брчко (*Brčko District*, далее – BD)³, а остальные заявители – неправительственные организации этнических боснийцев⁴ в округе Брчко Боснии и Герцеговины.

2. Интересы заявителей представлял О. Мулахалилович (*O. Mulahalilović*), адвокат, практикующий в округе Брчко. Власти Боснии и Герцеговины были представлены М. Мийич (*M. Mijić*), бывшей тогда их Уполномоченной при Европейском Суде.

3. Заявители, в частности, утверждали, что их право на свободу выражения мнения было нарушено в результате вынесения судебных решений в ходе диффамационного разбирательства, которое было возбуждено против них.

4. Жалоба была распределена в Четвертую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). Постановлением, вынесенным 13 октября 2015 г., Палата этой Секции единогласно признала жалобу приемлемой для рассмотрения

³ Округ Брчко является самоуправляющейся административной единицей под суверенитетом Боснии и Герцеговины. Согласно его уставу он представлен мэром (избираемым окружным собранием). Законодательную власть в нем осуществляет окружное собрание, исполнительную – окружное правительство (в котором председательствует мэр), судебную – окружные суды (статья 19 устава).

⁴ Бошняки известны как мусульмане с войны 1992–1995 годов. Термин «бошняки» не следует путать с термином «боснийцы», который обычно используется для названия граждан Боснии и Герцеговины независимо от этнического происхождения или религиозной принадлежности. (Бошняки (босн. *Bošnjaci*) от единственного числа мужского рода бошняк (*Bošnjak*)). Более точная передача – бошняци. В современной русскоязычной литературе упоминаются также как босняки, муслимане, боснийские мусульмане, боснийцы-мусульмане, боснийцы-муслимане, босанцы, бошняни (*примеч. редактора*).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. ПИСЬМО ЗАЯВИТЕЛЕЙ ВЫСШИМ ОРГАНАМ ОКРУГА БРЧКО

по существу и постановила большинством голосов, что по делу требования статьи 10 Конвенции нарушены не были. Эта Палата заседала в следующем составе: Гвидо Раймонди, Председатель, Пяиви Хирвеля, Георг Николау, Леди Бианку, Нона Цоцория, Кшиштоф Войтычек, Фарис Вехабович, судьи, а также Франсуаза Эленс-Пасос, Секретарь Секции Суда. Трое судей (Георг Николау, Нона Цоцория и Фарис Вехабович) выступили с совместным несопадающим особым мнением. В письме от 8 января 2016 г. в соответствии со статьей 43 Конвенции заявители ходатайствовали о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда. Комитет Большой Палаты удовлетворил ходатайство 14 марта 2016 г.

5. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда.

6. Заявители, власти Боснии и Герцеговины подали дополнительные письменные объяснения (пункт 1 правила 59 Регламента Суда) по существу жалобы. Кроме того, комментарии третьей стороны были получены от Центра исследований и изысканий по фундаментальным правам (*Centre de recherche et d'études sur les droits fondamentaux*) (далее – CREDOF) Университета «Западный Париж – Нантер-ля-Дефанс» (*Paris West Nanterre La Défense*) и Ассоциации «Программа поддержки за свободу слова» (*Blueprint for Free Speech*), которым Председатель Европейского Суда разрешил представить письменные замечания по делу (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Суда).

7. Открытое слушание по делу состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 31 августа 2016 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

8. В заседании Европейского Суда приняли участие:

(а) со стороны властей Боснии и Герцеговины:

М. Мийич, Уполномоченная властей при Европейском Суде,

С. Малешич (*S. Malešić*), помощница Уполномоченной властей при Европейском Суде,

П. Джурасович (*P. Đurasović*),

Д. Тешич (*D. Tešić*), советники;

(б) со стороны заявителей:

О. Мулахалилович, адвокат,

Л. Мурселович (*L. Murselović*),

И. Шадич (*I. Šadić*),

Е. Фазлич (*E. Fazlić*), советники,

С. Равкич (*S. Ravkić*), представитель заявителя¹.

9. Европейский Суд заслушал выступления Мийич и Мурселович и их ответы на вопросы, заданные судьями.

¹ Так в тексте оригинала Постановления. По-видимому, имеется в виду, что он представлял интересы одного из заявителей (примеч. редактора).

10. В неизвестную дату в мае 2003 года заявители написали письмо высшим органам ВД, а именно международному Контролеру ВД², председателю ассамблеи ВД и мэру ВД, когда еще продолжалась процедура назначения директора многонациональной публичной радиостанции ВД. В письме они высказали свою озабоченность по поводу процедуры назначения директора многонациональной публичной радиостанции. Они критиковали власти за пренебрежение принципом пропорционального представительства этнических сообществ на государственной службе ВД, изложенным в уставе³. В этой связи они указали:

«...Мы признаем и ценим вашу поддержку и усилия, прилагаемые вами для создания многонациональной публичной радиостанции... К сожалению, представляется, что было допущено много недостатков в самом начале этого важного мероприятия. Панель для отбора директора [радио] была сформирована в нарушение Устава округа Брчко. Она состоит из трех сербов⁴, одного хорвата⁵ и одного бошняка. Таким образом, вновь был нарушен Устав (ВД), который требует пропорционального представительства трех составляющих народов в публичных учреждениях. Парламент установил несколько случаев несоблюдения данного принципа относительно трудоустройства персонала в публичном секторе, включая радио ВД, в ущерб бошнякам и хорватам, и просил мэра устранить этот дисбаланс. К сожалению, ничего не было сделано для его устранения. Действительно, неофициальная информация подтверждает, что кандидатура М.С. была предложена на должность директора радио сербскими членами (отборочной) панели, которые составляют большинство, несмотря на то, что бывший директор был бошняком.

² Контролер (Supervisor) Брчко возглавляет отдельное учреждение, созданное в рамках Управления Верховного представителя ООН по Боснии и Герцеговине, имеет ранг заместителя (позднее – первого заместителя) Верховного представителя (примеч. редактора).

³ Устав ВД является высшим актом. Статья 20(1) устава предусматривает, что «публичная служба в округе... отражает состав населения».

⁴ Сербь являются этнической группой, члены которой могут быть уроженцами Сербии или любого другого государства бывшей Югославии. Термин «серб» обычно употребляется для определения этнической группы независимо от их гражданства, и его не следует смешивать с термином, обычно обозначающим граждан Сербии.

⁵ Хорваты являются этнической группой, члены которой могут быть уроженцами Хорватии или любого другого государства бывшей Югославии. Термин «хорват» обычно употребляется для определения этнической группы независимо от их гражданства, и его не следует смешивать с термином, обычно обозначающим граждан Хорватии.

Это предложение неприемлемо, тем более, что оно затрагивает лицо, не имеющее профессиональных и моральных качеств для такой должности».

11. Далее в письме отмечалось следующее:

«Согласно нашей информации (*našim informacijama*) данная госпожа

(1) заявила в интервью, опубликованном в NIN¹, комментируя разрушение мечетей в Брчко, что мусульмане не являются народом (*Muslimani nisu narod*), что они не имеют культуры и что, соответственно, разрушение мечетей не может рассматриваться как разрушение культурных памятников,

(2) являясь сотрудницей радио BD, демонстративно порвала в помещении радиостанции (*demonstrativno kidala*) календарь с графиком религиозных служб в месяц Рамадан,

(3) в помещении радиостанции закрыла Герб Боснии и Герцеговины Гербом Республики Сербской,

(4) в качестве редактора культурной программы на радио BD запретила трансляцию *севдалинки*², утверждая, что этот вид песни не имеет культурной или музыкальной ценности.

Мы твердо уверены в том, что вышеупомянутые действия абсолютно дисквалифицируют М.С. как кандидата на должность директора многонационального радио и телевидения округа Брчко и что на должность [директора радиостанции] должен быть назначен бошняк, что отвечало бы Уставу [BD] и необходимости устранить этнический дисбаланс относительно трудоустройства в публичном секторе.

Мы надеемся, что вы надлежащим образом отреагируете на наше письмо...

В отсутствие любого действия с вашей стороны мы будем вынуждены обратиться к общественности (*obratiti se javnosti*) и [связаться] с международными и иными компетентными представителями».

12. Вскоре после этого в мае 2003 года письмо было опубликовано в трех различных ежедневных газетах.

В. ДИФФАМАЦИОННОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПРОТИВ ЗАЯВИТЕЛЕЙ

1. Суд первой инстанции

13. 29 мая 2003 г. М.С. возбудила гражданское диффамационное разбирательство, утверждая, что в вышеупомянутом письме заявители допустили диффамационные высказывания, которые причинили вред ее репутации и дискредитировали ее как человека и профессионального журналиста.

14. Рассматривая дело, суд первой инстанции изучил значительное количество доказательств, включая устные показания семерых свидетелей (все из которых, по-видимому, являлись сотрудниками публичной радиостанции BD) относительно достоверности четырех утверждений, содержащихся в письме заявителей. Суд первой инстанции также заслушал устные объяснения истца, О.Н. и С.С., членов и уставных представителей двух заявителей.

15. Как видно из решения от 29 сентября 2004 г. (см. § 18 настоящего Постановления), М.С. указала, что она узнала о письме вскоре после того, как оно было отправлено заявителями, но не знала, кто передал его в средства массовой информации. Она подтвердила, что сняла со стены в помещении радиостанции календарь с графиком религиозных служб в месяц Рамадан, но объяснила, что стена использовалась только для объявлений, связанных с работой. Она отрицала, что порвала календарь. Что касается Герба Боснии и Герцеговины, М.С. утверждала, что пригласительный билет с Гербом Республики Сербской³ был размещен в углу Герба Боснии и Герцеговины, но последний не был закрыт. Наконец, М.С. отрицала, что она запрещала трансляцию *севдалинки*⁴. Она утверждала, что все эти вопросы вырваны из контекста, что ее карьера в качестве журналиста разрушена и что она боится за свое профессиональное будущее.

16. О.Н. подтвердил, что он принимал участие в подготовке письма, и указал, что получил содержащуюся в нем информацию от сотрудников радиостанции, которые просили его помочь. При этом отсутствовало намерение опубликовать письмо. По этой причине он обратился к властям лично. Он не знал, как письмо попало к средствам массовой информации.

17. С.С. пояснил, что большая часть информации была доведена до его сведения О.Н. Письмо было направлено властям лично. При этом отсутствовало намерение опубликовать письмо в средствах массовой информации. По этой причине авторы письма указали, что его содержание основывается на утверждениях, а не на установленных фактах. Их цель заключалась в привлечении внимания властей к ошибкам М.С., которая являлась главным кандидатом на пост директора радиостанции BD.

18. Решением от 29 сентября 2004 г. суд первой инстанции отклонил иск М.С. и обязал ее опубликовать решение за свой счет и возместить судебные издержки заявителям. Суд первой инстанции установил, что заявители не могли нести ответственность, поскольку не имелось доказательств того, что они опубликовали письмо в средствах

¹ Ежедневная газета, издающаяся в Сербии.

² Севдалинка – это «городская песня Боснии и Герцеговины» (Cultural characteristics of Bosnian urban song – sevdalinka, Ms Karača Tamara, Music, I/1 (1), 1997: 55).

³ Одно из образований в составе Боснии и Герцеговины.

⁴ Здесь и далее название курсивом выделено в тексте оригинала Постановления (*примеч. редактора*).

массовой информации. В соответствующих частях решения указывалось следующее:

«Очевидно, что письмо ответчиков было адресовано лично (*присепо на руке*) мэру, председателю ассамблеи и Контролеру округа Брчко... и что оно не было направлено в средства массовой информации... Суд установил, что цель письма заключалась в привлечении внимания властей к (этим) проблемам, чтобы позволить им сделать определенные выводы о проверке данной информации, а не в публикации непроверенных сведений.

Рассмотрев статьи, опубликованные в средствах массовой информации, суд заключает, что ни одна из них не была опубликована [заявителями]».

2. Апелляционный суд

19. Рассмотрев жалобу M.S., Апелляционный суд BD отменил решение от 16 мая 2005 г. и решил провести новое слушание.

20. На слушании в апелляционном суде M.S. напомнила, что четыре вышеуказанные высказывания (см. § 11 настоящего Постановления) содержали недостоверные и диффамационные утверждения, цель которых заключалась в том, чтобы представить ее как националистку и, соответственно, дисквалифицировать ее для назначения на должность, для занятия которой она обратилась. В итоге она не только не была назначена на должность, но письмо имело для нее и иные долгосрочные последствия.

21. Заявители утверждали, что они не могут быть привлечены к ответственности, поскольку они не направляли письмо в средства массовой информации и, следовательно, не выражали или не распространяли публично диффамационные заявления относительно апелланта. Письмо было направлено властям. Решением от 11 июля 2007 г. Апелляционный суд BD отклонил данный довод и указал, что:

«...репутации лица может быть причинен вред, если кто-то выражает или сообщает другим лицам недостоверные факты либо утверждения о прошлом, о знаниях, навыках или о чем-то еще (и знает или должен знать, что эти факты или утверждения недостоверны). По этим причинам суд отклонил доводы ответчиков о том, что лицо может быть привлечено к ответственности за диффамацию, только если имело место публичное заявление или распространение либо публикация (таких) заявлений в средствах массовой информации».

22. Заявители также утверждали, что M.S. была государственной служащей и что, приняв участие в конкурсе на занятие должности директора радио, она стала публичной фигурой. Ссылаясь на статью 6(5) Закона о диффамации (см. § 41 настоящего Постановления), суд указал следующее:

«...даже если потерпевшая сторона является государственным служащим или кандидатом на должность в публичном органе и воспринимается как оказывающая важное влияние на общественные

проблемы, имеющие политический интерес... (ответчик) привлекается к ответственности за диффамацию, если он знал, что заявление было ложным, или по неосторожности пренебрег его неточностью».

23. Со ссылкой на первую часть письма (см. § 10 настоящего Постановления) Апелляционный суд не стал дальше делать указание о том, что оно содержит оценочные суждения, за которые на заявителей не может быть возложена ответственность в соответствии с Законом о диффамации. Он также процитировал четыре заявления, содержащиеся в письме (см. § 11 настоящего Постановления), и подчеркнул, что они «касались утверждений о факте, которые ответчики должны были доказать». В этой связи он повторно допросил O.H., S.C. и свидетелей, которые уже дали устные показания в суде первой инстанции (см. § 14 настоящего Постановления).

24. Апелляционный суд также отметил, что R.S. и O.S., сотрудники публичного радио BD, посетили одного из заявителей с целью обсудить поведение M.S. на рабочем месте. При этом R.S. сообщил O.H., что в месяц Рамадан M.S. сняла со стены в помещении радиостанции календарь с графиком богослужений. Апелляционный суд указал, что на стене размещались объявления, связанные с работой. Он также отметил, что в период, относившийся к обстоятельствам дела, на стене был вывешен еще один текст, не связанный с работой. O.S. (звуорежиссер на радио) сказал O.H., что однажды M.S. попросила его объяснить, почему *севдалинка* транслировалась во время, зарезервированное в программе для другого музыкального жанра. Он подтвердил, что она сняла со стены религиозный календарь месяца Рамадан.

25. На встрече, прошедшей вскоре после этого, O.H. поделился сведениями, полученными от R.S. и O.S., с другими ответчиками. В этот раз один из ответчиков сослался на газетную статью и предполагаемое высказывание M.S. относительно мусульман и разрушения мечетей. Также указывалось, что M.S. заслонила Герб Боснии и Герцеговины Гербом Республики Сербской. S.C. подтвердил, что слышал, как об этом говорили люди в городе.

26. После анализа показаний свидетелей и ответчиков Апелляционный суд решил, что факты, о которых сообщалось в письме по поводу календаря богослужений в месяц Рамадан и трансляции *севдалинки*, были недостоверными, поскольку «в письме явно не указывалось, что (R.S. и O.S.) говорили об апелланта и ее поведении относительно религиозного календаря и трансляции *севдалинки*». Отметив, что утверждение о том, что M.S. была автором высказывания, опубликованного в газете, было неверным, Апелляционный суд указал:

«...на основании показания S.C. [суд установил], что на встрече, предшествовавшей подготовке письма, видный член [ответчика] информировал присутствующих на встрече, что апелланта сде-

лала заявление для газеты, содержание которого было идентичным содержанию письма. При последующей проверке [S.C.] установил, что такой текст был опубликован, но апелляция не была его автором...».

27. Апелляционный суд также отметил, что:

«Ответчики не доказали достоверность утверждения о том, что в своем кабинете апелляция заслонила Герб Боснии и Герцеговины Гербом Республики Сербской. На основании показаний, данных свидетелями, которые были допрошены в судебном заседании (B.S., D.N. и K.P.), [суд] установил, что апелляция разместила приглашительный билет с Гербом Республики Сербской в углу Герба Боснии и Герцеговины...».

28. В заключение Апелляционный суд пришел к выводу, что:

«Отправлением письма, направленного в офис высокого представителя ВД, международного Контролера ВД, председателя ассамблеи ВД и мэра ВД, ответчики причинили вред репутации и чести истца в месте, в котором она живет и работает. Они сделали это в результате выражения и распространения вышеизложенных фактов относительно поведения апелляции, ее действий и заявлений, о ложности которых они знали или должны были знать...».

29. Апелляционный суд потребовал от заявителей проинформировать международного Контролера по ВД, председателя ассамблеи ВД и мэра ВД в течение 15 дней о том, что они отзывают письмо, в отсутствие чего они должны были совместно выплатить M.S. компенсацию морального вреда в сумме, эквивалентной 1 280 евро. Им также было предписано передать решение на радио и телевидение ВД и в две газеты для публикации за счет заявителей. Что касается расчета суммы компенсации морального вреда, суд указал:

«При оценке суммы ущерба, а именно справедливой компенсации, которая должна быть присуждена апелляции, [суд] принял во внимание, что оспариваемые факты упоминались в статье, опубликованной в средствах массовой информации...».

30. 15 ноября 2007 г. M.S. обратилась в суд первой инстанции ВД за принудительным исполнением вышеупомянутого решения. 5 декабря 2007 г. суд первой инстанции выдал исполнительный лист.

31. 12 декабря 2007 г. заявители выплатили сумму, эквивалентную 1 445 евро (включая проценты и исполнительные издержки) во исполнение решения от 11 июля 2007 года. 27 марта 2009 г. суд первой инстанции окончил исполнительное производство.

С. РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ

32. 15 октября 2007 г. заявители обратились в Конституционный суд Боснии и Герцеговины с заявлением о защите их прав, предусмотренных статьей 10 Конвенции.

33. 13 мая 2010 г. Конституционный суд решил, что вмешательство в право заявителей на свободу выражения мнения было «необходимым в демократическом обществе», и заключил, что по делу требования статьи II/3.h) Конституции Боснии и Герцеговины или статьи 10 Конвенции нарушены не были. В соответствующих частях решения указывалось следующее:

«34. Прежде всего Конституционный суд отмечает, что апелляции не отрицают, что их ответственность за диффамацию основана на Законе о диффамации 2003 года и что поэтому вмешательство в право [на свободу выражения мнения], защищенное статьей 10 Европейской конвенции, было предусмотрено законом...»

35. Оспариваемое решение было вынесено в гражданском диффамационном разбирательстве, возбужденном ответчиком против апелляции... соответственно, вмешательство преследовало законную цель защиты «репутации или прав других лиц».

36. Остается определить, было ли обжалуемое вмешательство «необходимым в демократическом обществе»...

37. Что касается наличия «неотложной общественной необходимости», Конституционный суд отмечает, что оспариваемые (судебные) решения касаются письма, которое апелляции направили властям ВД и Контролеру ВД, представив истца (M.S.) в негативном свете. Апелляционный суд счел его диффамационным, поскольку (дело) касалось заявлений, достоверность которых могла быть установлена... Конституционный суд отмечает, что апелляционный суд квалифицировал оспариваемые высказывания в письме как утверждения о факте, а не как оценочные суждения. Конституционный суд также полагает, что они должны рассматриваться как утверждения о факте, которые требуют доказывания. Апелляции не сделали это, поскольку не предприняли разумные усилия для проверки достоверности [этих] утверждений о факте до [сообщения], а лишь сделали эти [заявления].

38. Конституционный суд полагает, что апелляционный суд установил вне всякого сомнения, что оспариваемые утверждения о факте относительно M.S. были недостоверными и что апелляции несут ответственность за диффамацию. Из объяснений двух свидетелей, от которых апелляции получали информацию, представленную в письме (относительно части письма, в котором указывалось, что M.S. «сочла нужным снять со стены (и порвать) календарь с графиком богослужений в месяц Рамадан и в качестве редактора развлекательной программы запретила трансляцию *севдалинки*, утверждая, что этот тип песни не имел культурной или музыкальной ценности»), апелляционный суд установил, что существовала явная непоследовательность между тем, что было сказано апелляциям, и тем, что они сообщали в письме. Кроме того, заявление в оспариваемом письме о том, что M.S. дала интервью относительно разрушения мечетей, было опровергнуто другим свидетелем, который утверждал, что последующая проверка выявила, что M.S. не была автором указанного интервью. Наконец, апелляции

не доказали достоверность утверждений о том, что М.С. заслонила Герб Боснии и Герцеговины Гербом Республики Сербской. С учетом вышеизложенного в настоящем деле публичный интерес, допускающий сообщение о предполагаемых нарушениях в поведении публичных должностных лиц, не может быть основан на явно недостоверных утверждениях о факте, затрагивающих их репутацию, [и] не могут рассматриваться как критика, с которой они должны мириться ввиду их функции. Соответственно, суд полагает, что апелляционный суд правильно заключил, что в настоящем деле существовала «неотложная общественная необходимость» [для вмешательства в право апеллянтов на свободу выражения мнения].

39. Кроме того, Конституционный суд учитывает, что апелляционный суд присудил выплатить М.С. компенсацию морального вреда, поскольку ее репутации был причинен вред недостоверными заявлениями, сделанными в оспариваемом письме... Конституционный суд уже указывал в своей предыдущей прецедентной практике, что репутация лица составляет часть его личной идентичности и психической неприкосновенности...

43. Апеллянты... не проверили оспариваемые высказывания, что они обязаны были сделать. Апелляционный суд установил, что апеллянты нанесли вред репутации М.С. недостоверными высказываниями, что причинило ей психическое длительное расстройство... Принимая решение относительно компенсации морального вреда и ее размера, апелляционный суд принял во внимание цель этой компенсации и правило о том, что она не должна способствовать намерениям, которые несовместимы с природой и социальной целью.

44. [К]онституционный суд полагает, что мера, примененная к апеллянтам в настоящем деле, была пропорциональна преследуемой цели... Суд также считает, что апелляционный суд не вышел за рамки предоставленных ему дискреционных полномочий при принятии решения о требованиях относительно морального вреда... [К]онституционный суд приходит к выводу, что приведенные апелляционным судом мотивы являлись «относимыми» и «достаточными» в значении статьи 10 Европейской конвенции.

45. С учетом вышеизложенного Конституционный суд заключает, что вмешательство в право апеллянтов на свободу выражения мнения было «необходимо в демократическом обществе» и что, следовательно, требования статьи II/3.h) Конституции Боснии и Герцеговины или статьи 10 Европейской конвенции нарушены не были».

34. 21 сентября 2010 г. решение Конституционного суда было вручено заявителям.

Д. ИНАЯ ИНФОРМАЦИЯ, ИМЕЮЩАЯ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ

35. Согласно протоколу заседания управляющего совета радиостанции ВД от 9 мая 2003 г. на пост директора радио были выдвинуты два кандидата, одним из которых была М.С. Управляющий совет решил продлить срок полномочий исполняющего

обязанности директора радио, поскольку «в связи с политическим давлением и неоднократным голосованием» не могло быть принято решения в отношении кого-либо из кандидатов.

II. ОБЩЕЕ РАМОЧНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О МИРЕ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ 1995 ГОДА (ДАЛЕЕ – ДЕЙТОНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ)

36. Дейтонское соглашение, парафированное на военно-воздушной базе Райт-Паттерсон около Дейтона (США) 21 ноября 1995 г. и подписанное в г. Париже (Франция) 14 декабря 1995 г., стало результатом 44 месяцев прерывающихся переговоров под эгидой Международной конференции по бывшей Югославии и контактной группы. Оно вступило в силу в последнюю указанную дату и содержит 12 приложений.

37. Приложение № 2 касается соглашения о разграничении границ между образованиями и связанных с этим вопросов. В соответствующих частях этого приложения указывается следующее:

«Республика Босния и Герцеговина, Федерация Боснии и Герцеговины и Республика Сербская (далее – стороны) договорились о нижеследующем...

Статья V

Арбитражное урегулирование в отношении района Брчко

1. Стороны соглашаются на имеющее обязательную силу арбитражное урегулирование в отношении спорной части линии разграничения между образованиями в районе Брчко, указанном на карте, содержащейся в Добавлении.

2. Не позднее чем через шесть месяцев после вступления настоящего соглашения в силу Федерация назначает одного арбитра и одного арбитра назначает Республика Сербская. Третий арбитр подбирается по договоренности между лицами, назначенными сторонами, в 30-дневный срок с момента назначения. Если они не достигают договоренности, третий арбитр назначается Председателем Международного суда. Третий арбитр выполняет функции председателя в арбитражном трибунале.

3. Если сторонами не согласовано иное, урегулирование проводится в соответствии с Регламентом ЮНСИТРАЛ. Арбитры применяют соответствующие правовые и справедливые принципы.

4. Если не согласовано иное, управление районом, указанным в пункте 1 выше, продолжает осуществляться так же, как и в настоящее время.

5. Арбитры выносят свое решение не позднее чем через год с момента вступления настоящего соглашения в силу. Решение является окончательным и обязательным, и стороны незамедлительно выполняют его».

38. Приложение № 4 к Соглашению содержит нормы Конституции Боснии и Герцеговины (см. § 39 настоящего Постановления).

III. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

A. КОНСТИТУЦИЯ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

39. Конституция Боснии и Герцеговины (Приложение № 4 к Общему рамочному соглашению о мире в Боснии и Герцеговине), вступившая в силу 14 декабря 1995 г. Статья II Конституции в соответствующих частях предусматривает следующее:

«...3. Перечень прав

Все лица на территории Боснии и Герцеговины пользуются правами человека и основными свободами, упомянутыми в пункте 2 выше; к ним относятся:

...h) свобода выражения мнения...».

40. В марте 2009 года Парламентская ассамблея Боснии и Герцеговины приняла Поправку I к Конституции (опубликованную в «Официальной газете Боснии и Герцеговины», № 25/09), согласно которой:

«В Конституцию Боснии и Герцеговины после статьи VI(3) вводится новая статья VI(4), которая устанавливает:

4. Округ Брчко Боснии и Герцеговины

Округ Брчко Боснии и Герцеговины, существующий под суверенитетом Боснии и Герцеговины и относящийся к сфере ответственности учреждений Боснии и Герцеговины, как эта ответственность предусмотрена настоящей Конституцией, чья территория принадлежит совместно (кондоминиуму) образований, является единицей местного самоуправления с собственными учреждениями, законодательством и регулированием, его полномочия и статус окончательно определены решениями Арбитражного трибунала по спору о границе между образованиями в округе Брчко. Отношения между округом Брчко Боснии и Герцеговины и учреждениями Боснии и Герцеговины и образований могут дополнительно регулироваться законом, принятым Парламентской ассамблеей».

В. ЗАКОН О ДИФФАМАЦИИ 2003 ГОДА (ZAKON O ZAŠTITI OD KLEVETE BRČKO DISTRIKTA, «ОФИЦИАЛЬНАЯ ГАЗЕТА ОКРУГА БРЧКО», № 14/03)

41. Соответствующие положения Закона о диффамации BD2003 года предусматривают следующее:

«Статья 2

...(а) право на свободу выражения мнения, гарантированное Европейской конвенцией о защите прав человека... Конституцией Боснии и Герцеговины и Уставом округа Брчко, играет фундаментальную роль в демократическом обществе, в частности, если оно затрагивает вопросы, представляющие политический и общий интерес;

(б) право на свободу выражения мнения защищает содержание информации и средства ее передачи...

Статья 6

Лицо, причиняющее ущерб репутации другого лица путем сообщения или распространения ложных сведений об этом лице и идентификации этого лица перед другими лицами, несет ответственность за диффамацию.

За диффамационное высказывание, опубликованное в средствах массовой информации, несет ответственность автор, главный редактор, издатель и любое другое лицо, которое любым иным способом контролирует содержание публикации.

В случае одной из ситуаций, упомянутой выше, возникает ответственность за диффамацию, если ложные сведения сообщаются или распространяются умышленно или по неосторожности.

Если диффамационное высказывание относится к вопросу публичного интереса, ответчик несет ответственность за диффамацию, если он знал, что высказывание было ложным или по неосторожности пренебрег его неточностью.

Стандарт ответственности, упомянутый выше, применяется в ситуации, когда диффамационное высказывание допущено в отношении государственного служащего... или кандидата на публичную должность...

Освобождение от ответственности

Статья 7

Не возникает ответственности за диффамацию, если:

(а) диффамационные высказывания являются оценочными суждениями или если они являются ложными лишь в несущественных деталях и являются в основном правдивыми...

(с) сообщение или распространение было разумным...».

С. ЗАКОН О ГРАЖДАНСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ 1978 ГОДА (ZAKON O OBLIGACIONIM ODNOSIMA, «ОФИЦИАЛЬНАЯ ГАЗЕТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИЯ», №№ 29/78, 39/85 И 57/8, И «ОФИЦИАЛЬНАЯ ГАЗЕТА РЕСПУБЛИКИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНА», №№ 2/92, 13/93 И 13/94)

42. Соответствующие положения Закона о гражданских обязательствах 1978 года предусматривают следующее:

«Компенсация морального вреда

Статья 200

Суд присуждает компенсацию морального вреда за физическую боль, психическое расстройство, вызванное утратой жизненных удобств, за обезображивание, причинение вреда репутации и чести, нарушение свободы или личных прав или смерть близкого родственника и за страх, если суд считает, что обстоятельства дела, в частности, интенсивность боли, психического расстройства или страха и их длительность оправдывают такую компенсацию, независимо от какой-либо компен-

сации материального ущерба и даже в отсутствие материального ущерба.

Принимая решение по требованию о компенсации морального вреда и ее размере, суд учитывает... цель этого ущерба и то правило, что он не должен способствовать стремлениям, которые несовместимы с характером и социальной целью».

IV. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

А. РЕЗОЛЮЦИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СОВЕТА ЕВРОПЫ «ЗАЩИТА РАЗОБЛАЧИТЕЛЕЙ» 1729(2010) ОТ 29 АПРЕЛЯ 2010 Г.

43. В соответствующей части в этой резолюции указано следующее:

«6.3. Что касается бремени доказывания, работодатель должен представить неопровержимые доказательства того, что меры, принятые в ущерб интересам разоблачителя, не были обусловлены действиями разоблачителя».

В. РЕКОМЕНДАЦИЯ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ «О ЗАЩИТЕ ИНФОРМАТОРОВ, СООБЩАЮЩИХ О ПРОТИВОЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» CM/REC(2014)7 ОТ 30 АПРЕЛЯ 2014 Г.¹

44. В соответствующих частях данной рекомендации предусматривается:

«II. Ограничения по кругу лиц

3. Перечень лиц в национальных рамках должен включать лиц, работающих в государственном или частном секторе независимо от характера работы и от того, является ли эта деятельность оплачиваемой или нет.

4. Национальные рамки должны также включать лиц, чьи трудовые отношения были закончены или, возможно, чьи трудовые отношения только должны начаться, в случае, когда информация об угрозе или причинении вреда общественным интересам была получена в процессе найма или на иной предшествующей договорной стадии переговоров».

С. ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ О СТАТУСЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЕВРОПЕ (Г. СТРАСБУРГ, 13 НОЯБРЯ 2002 Г., СОВЕТ ЕВРОПЫ, ПРИНЯТЫ НА МНОГОСТОРОННИХ ВСТРЕЧАХ, ПРОВЕДЕННЫХ В Г. СТРАСБУРГЕ С 19 НОЯБРЯ 2001 Г. ПО 5 ИЮЛЯ 2002 Г.)

45. В соответствующих частях этого документа указано следующее:

«...полагая, что неправительственные организации (далее – НПО) вносят существенный вклад в развитие, реализацию и поддержание жизнеспособности демократического общества, в частности, путем повышения осведомленности общества и активного участия граждан в *res publica* и в равной степени содействуют развитию культурной жизни и социального благополучия общества...»

полагая, что вклад НПО осуществляется через комплекс чрезвычайно разнообразных видов деятельности, от выполнения роли связующего информационного звена между различными сегментами общества и органами государственной власти...

признавая, что работа в НПО подразумевает не только права, но обязанности...

74. Следует поощрять и приветствовать участие НПО в государственных и квазигосударственных механизмах диалога, консультаций и обменов в целях поиска решений для удовлетворения потребностей общества...».

Д. КОДЕКС ЭТИКИ И ПОВЕДЕНИЯ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРИНЯТЫЙ ВСЕМИРНОЙ АССОЦИАЦИЕЙ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (WANGO) В 2004 ГОДУ

46. В соответствующих частях данного кодекса указано следующее:

«С. Права человека и достоинство

НПО не должны нарушать основных прав человека, которыми наделен каждый...

Ф. Честность и законность

• НПО должны предоставлять точную информацию, будь то в отношении своей организации и проектов или любого лица, организации, проекта, а также критикуемого или обсуждаемого законодательства.

VI. Общественное доверие

В. Достоверность и полнота изложения

1. Достоверность и соответствующий контекст

Информация, которая распространяется организацией среди СМИ, людей, принимающих решения, или общественности, должна быть достоверной и представленной в надлежащем контексте. В этой связи информация должна предоставляться с учетом законодательных аспектов, политик, персоналий, организаций или проектов, которые являются предметом обсуждения, поддержки или критики...

2. Устные и письменные заявления

Организация должна иметь четкие руководства и процедуры утверждения и осуществления устных и письменных заявлений.

3. Беспристрастное раскрытие информации

Организация должна предоставлять информацию в справедливой и непристрастной форме.

¹ См. текст полностью: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 6 (примеч. редактора).

Требуется раскрытие информации и должна быть сделана оговорка при невозможности быть беспристрастным...».

ПРАВО

I. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

47. В своих меморандумах, поданных в Европейский Суд, и устных заявлениях в Большой Палате Европейского Суда заявители выдвинули жалобы в соответствии со статьями 6, 9, 10, 13 и 14 Конвенции.

48. Власти Боснии и Герцеговины утверждали, что настоящее дело касается лишь жалобы заявителей в соответствии со статьей 10 Конвенции и что другие вопросы, поднятые заявителями, не могут быть предметом рассмотрения Европейским Судом.

49. Европейский Суд напоминает, что «дело», переданное Большой Палате, представляет собой жалобу в части, признанной приемлемой для рассмотрения по существу Палатой Европейского Суда (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» (K. and T. v. Finland), жалоба № 25702/94, §§ 140–141, ECHR 2001-VII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яновский против Польши» (Janowski v. Poland), жалоба № 25716/94, §§ 19 и 20, ECHR 1999-I, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Пентикайнен против Финляндии» (Pentikäinen v. Finland), жалоба № 11882/10¹, § 81, ECHR 2015, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов» (Murray v. Netherlands), жалоба № 10511/10², § 88, ECHR 2016).

50. В настоящем деле Большая Палата Европейского Суда учитывает, что жалобы в соответствии со статьями 6, 9, 13 и 14 Конвенции не входят в состав жалобы, признанной Палатой приемлемой для ее рассмотрения по существу в ее Постановлении от 13 октября 2015 г. Соответственно, Большая Палата Европейского Суда ограничит свое рассмотрение жалобой заявителей на основании статьи 10 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

51. Заявители жаловались на то, что их наказание в контексте гражданско-правовой ответственности за диффамацию нарушило их право на

свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

52. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что решения внутригосударственных судов являлись «вмешательством» в свободу выражения мнения заявителей, гарантированную пунктом 1 статьи 10 Конвенции, и что такое вмешательство было «предусмотрено законом» и преследовало законную цель, а именно защиту репутации M.S.

53. Палата Европейского Суда признала, что внутригосударственные суды сделали различие между утверждениями о факте и оценочными суждениями и что, ссылаясь на доступные доказательства, они правильно заключили, что заявители действовали неосторожно, ограничившись сообщением о предполагаемом неправильном поведении M.S. в отсутствие разумных попыток проверить достоверность этих утверждений. Кроме того, Палата Европейского Суда установила, что присуждение выплаты компенсации вреда за счет заявителей не было непропорциональным. Исходя из этого она пришла к выводу, что внутригосударственные суды установили справедливое равновесие между правом M.S. на репутацию и правом заявителей сообщать о недостатках в поведении государственного служащего в орган, компетентный рассматривать подобные жалобы, и что приведенные мотивы в оправдание решений были «относимыми и достаточными» и отвечали «настоятельной общественной необходимости». Соответственно, Палата Европейского Суда постановила, что по делу требования статьи 10 Конвенции нарушены не были.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 2 (примеч. редактора).

² См.: там же. № 8 (примеч. редактора).

В. ДОВОДЫ СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Заявители

54. Заявители утверждали, что оспариваемая корреспонденция являлась частным и конфиденциальным письмом, направленным в компетентные органы с прямым институциональным интересом в данном вопросе. Она касалась утверждений о возможном кандидате на пост директора публичной радиостанции BD, который должен был рассматриваться в качестве государственного служащего. Назначение директора публичной радиостанции BD было вопросом публичного интереса. С учетом того, что пределы допустимой критики в отношении государственных служащих были шире, и M.S. должна была проявлять большую степень толерантности. Кроме того, в письме не содержалось определенного утверждения о фактах. Власти государства-ответчика были обязаны оценить «неофициальную информацию», содержащуюся в нем, и действовать соответствующим образом.

55. В своих устных объяснениях в Большой Палате Европейского Суда заявители указали, что статья 6 Закона о диффамации не была сформулирована достаточно ясно, чтобы позволить им предвидеть, что она может быть применима к их случаю, который касался сообщения о недостатках, направленного в компетентные органы. Внутригосударственные суды не установили справедливого равновесия между правом M.S. на репутацию и их правом на свободу выражения мнения. По мнению заявителей, при исполнении своих гражданских обязанностей люди вправе доводить соответствующую информацию до сведения властей и использовать даже жесткий и возмутительный язык, чтобы склонить их к проверке такой информации и обеспечить надлежащее управление. Власти должны поддерживать доверие к гражданской администрации, благоприятствуя участию граждан в решении проблем общества. Их письмо содержало оценочные суждения о профессиональных и моральных качествах M.S. для занятия должности, на которую она претендовала.

56. Заявители также утверждали, что M.S. не было причинено какого-либо вреда. Письмо не предназначалось для широкой публики, и они не направляли его в средства массовой информации. Любая ответственность в этом отношении должна вменяться получателям письма или M.S.

57. Апелляционный суд не упоминал тот факт, что в то время M.S. не являлась директором и, соответственно, не имела полномочий для снятия календаря богослужений со стены радиостанции. Кроме того, это решение не приняло во внимание их доводы о том, что устав BD не разрешал демонстрацию официальных символов (герба) образования Боснии и Герцеговины (в настоящем деле

Республики Сербской) в помещении государственных учреждений.

2. Власти Боснии и Герцеговины

58. Власти Боснии и Герцеговины утверждали, что оспариваемое письмо не содержало указаний на то, что оно имело конфиденциальный характер. Ни один из органов власти, в который обращались заявители, не имел полномочий для рассмотрения процедуры назначения директора радиостанции BD. Согласно действовавшему в то время законодательству управляющий совет радиостанции BD был уполномочен принимать решения по поводу назначения и увольнения директора радиостанции.

59. Власти Боснии и Герцеговины также указали, что в оспариваемом письме заявители выдвинули весьма серьезные обвинения против M.S., государственной служащей, чьи религиозные и этнические основы отличались от данных заявителей. Организации-заявительницы являлись ассоциациями, которые пользовались хорошей репутацией, и от их известных членов можно было ожидать выполнения некоторых действий по проверке достоверности их заявлений. Непринятие любых таких усилий с их стороны свидетельствовало об отсутствии социальной ответственности. Это касалось, в частности, уклонения от проверки того, являлась ли M.S. автором интервью, о котором сообщалось в их письме. Особые обстоятельства в период, когда основной интерес многонационального общества заключался в поддержании мира и построении взаимного доверия в послевоенной Боснии и Герцеговине, требовали от заявителей серьезной бдительности при предъявлении таких серьезных обвинений. Поскольку построение общественного доверия к публичным учреждениям и государственным служащим имеет особую важность в многонациональном постконфликтном обществе, которым являлась в то время Босния и Герцеговина, людям следовало воздерживаться от ложных заявлений, умышленных или по неосторожности, в частности, если эти заявления касались религиозных или этнических вопросов. Заявители как неправительственные организации бошняков действовали в качестве лоббистов для кандидата на пост директора радио от бошняков. Письмо служило в то время средством политического давления, которое вынудило управляющий совет радио не назначать кого-либо из перспективных кандидатов, то есть ни M.S. как представительницы сербов, ни иного кандидата, который был бошняком.

60. Власти Боснии и Герцеговины подтвердили, что публикация письма в средствах массовой информации не упоминалась внутригосударственными судами при признании заявителей виновными в диффамации. Поскольку письмо стало достоянием общественности, вред, причиненный репу-

тации М.С. сообщением непроверенной и ложной информации властям, был усугублен. Суды государства-ответчика ссылались на публикацию письма при определении суммы компенсации морального вреда, присужденного М.С. Власти Боснии и Герцеговины указали, что письма, направленные властям государства-ответчика, часто становились достоянием общественности до того, как власти могли принять меры в отношении полученной информации. В связи с тем, что источники информации в средствах массовой информации пользовались высоким уровнем правовой защиты, личность тех, кто предоставлял «частную и конфиденциальную информацию» в средства массовой информации, оставалась нераскрытой.

61. Власти Боснии и Герцеговины заключили, что внутригосударственные суды, вынося решение в пользу М.С., установили справедливое равновесие между конкурирующими правами и свободами, так же как и между преследуемой законной целью и использованными средствами.

3. Объяснения третьих сторон

62. В совместных объяснениях CREDOF и Ассоциации «Программа поддержки за свободу слова» отмечалось, что настоящее дело подходит для дополнения применимых критериев защиты свободы слова разоблачителей, установленных в прецедентной практике Европейского Суда. Они утверждали, что разоблачители, которые «сообщают» информацию компетентным органам, должны пользоваться равной защитой по отношению к разоблачителям, которые «раскрывают» информацию публично. Разоблачители, которые сообщают о предполагаемых нарушениях властям средствами частной переписки, как в настоящем деле, не должны нести избыточное бремя для проверки достоверности сообщаемой информации. Соответствующие правовые инструменты Совета Европы и прецедентная практика Европейского Суда предусматривали низкий стандарт доказывания фактов, раскрываемых разоблачителями, цель которых заключалась в поощрении раскрытия фактов, представляющих общий интерес, и расследования этих фактов государственными органами. По их мнению, вместо того, чтобы возлагать бремя доказывания на разоблачителей с целью проверить достоверность сообщенных сведений, необходимо было позволить властям государства расследовать сообщенные факты. В этой связи третьи стороны утверждали, что разоблачители составляют механизм продвижения демократической подотчетности, направленной на поощрение получения и обработки сообщений лицами, которые находятся в наилучшем положении для решения данной проблемы.

63. Стандарт доказывания, требуемый в делах о публичном раскрытии информации разоблачи-

телями, составлял не более чем «достаточную фактическую основу», которая оценивается с учетом личного опыта разоблачителей. В делах, в которых информация сообщалась компетентным органам, ущерб, причиненный лицам или институтам потенциально диффамационными утверждениями, был менее тяжким, чем при публичном раскрытии, с учетом более ограниченного круга адресатов. Более ограниченный эффект такого сообщения являлся основанием для более мягкого требования модерации выражения. Предоставление более низкого уровня защиты для граждан, которые сообщают информацию властям, означало бы сдерживающее влияние для свободы выражения мнения и поощряло бы утечку информации общественности в результате ее сообщения компетентным органам.

64. Вступившие в качестве третьих сторон организации также указали, что обязательство властей расследовать раскрытую информацию являлось следствием принципа неделимости прав человека и позитивных обязательств, возложенных на власти государства-ответчика. Только расследование органами власти достоверности утверждений, выдвинутых разоблачителями, могло прояснить все аспекты проблемы, к которым разоблачители обычно имели лишь частичный доступ.

65. Наконец, организации, вступившие в дело в качестве третьих сторон, подчеркнули, что вред репутации государственных должностных лиц, вызванный публичным раскрытием информации, был более тяжким, чем в случае сообщения информации компетентным органам. Соответственно, Европейскому Суду следует быть более внимательным при оценке пропорциональности санкций, примененных к разоблачителям, которые ограничились сообщением информации в частной переписке с компетентными органами.

В. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Имело ли место вмешательство

66. Европейский Суд полагает, что оспариваемое решение Апелляционного суда ВД, которое возложило на заявителей ответственность за диффамацию и обязало их отозвать письмо с выплатой компенсации морального вреда М.С. в случае отказа, составляло вмешательство в их право на свободу выражения мнения, предусмотренное первым абзацем статьи 10 Конвенции.

67. Такое вмешательство, чтобы быть допустимым в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции, должно быть «предусмотрено законом», преследовать одну или более законных целей и быть «необходимым в демократическом обществе» для достижения такой цели или целей.

2. Было ли вмешательство предусмотрено законом

68. Выражение «предусмотрено законом» в пункте 2 статьи 10 Конвенции не только требует, чтобы спорная мера имела определенную правовую основу во внутригосударственном законодательстве, но также касается качества рассматриваемого закона, который должен быть доступен заинтересованному лицу и предсказуем в части последствий своего применения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии» (*Rotaru v. Romania*), жалоба № 28341/95, § 52, *ECHR* 2000-V, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маэстри против Италии» (*Maestri v. Italy*), жалоба № 39748/98, § 30, *ECHR* 2004-I).

69. Сторонами не оспаривалось, что вмешательство в право заявителей на свободу выражения мнения имело правовую основу во внутригосударственном законодательстве, статью 6 Закона о диффамации 2003 года (см. § 41 настоящего Постановления), и что данное законодательство было доступным. Однако в своих устных объяснениях в Большой Палате Европейского Суда заявители утверждали, что применение статьи 6 Закона о диффамации в их деле не было достаточно предсказуемым для целей пункта 2 статьи 10 Конвенции.

70. В этом отношении Европейский Суд напоминает, что правовая норма не может рассматриваться в качестве «закона» в значении пункта 2 статьи 10 Конвенции, если она не сформулирована с достаточной точностью, позволяя лицу регулировать свои действия. Лицо должно располагать возможностью в случае необходимости после соответствующей консультации предвидеть в разумной при данных обстоятельствах степени последствия, которые может повлечь конкретное действие. Хотя определенность желательна, она может влечь отсутствие достаточной гибкости, в то время как закон не должен отставать от изменяющихся обстоятельств. Соответственно, многие законы сформулированы в выражениях, которые в большей или меньшей степени являются неопределенными, и их толкование и применение являются вопросами практики (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (*Karácsony and Others v. Hungary*), жалоба № 42461/13¹, § 124, *ECHR* 2016 (извлечения), и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания «Дельфи АС» против Эстонии» (*Delfi AS v. Estonia*), жалоба № 64569/09², § 121, *ECHR* 2015).

71. Обращаясь к настоящему делу, Европейский Суд не видит необходимости высказываться о несвоевременности объяснений заявителей, оспаривавших предсказуемость соответствующего внутригосударственного законодательства, поскольку они в любом случае являются необоснованными по следующим причинам. Он отмечает, что заявители не представили правовых доводов, основанных на внутригосударственных правовых нормах или прецедентной практике, чтобы доказать, что их дело выходит за пределы применения общего правила статьи 6(1) Закона о диффамации 2003 года, регулировавшего обстоятельства, при которых лицо может быть привлечено к ответственности за диффамацию (см. § 41 настоящего Постановления). В своем постановлении от 11 июля 2007 г. Апелляционный суд ВД отметил, что четыре оспариваемые высказывания, содержащиеся в письме заявителей (см. § 11 настоящего Постановления), составляли выражение или распространение, дававшие основание для искового требования о диффамации (см. § 21 настоящего Постановления). Конституционный суд Боснии и Герцеговины также поддержал мнение о том, что статья 6 Закона о диффамации 2003 года применима к частной переписке заявителей с властями ВД (см. § 33 настоящего Постановления). Соответственно, суды согласились с тем, что распространение сведений необязательно влекло обнародование через средства массовой информации. Хотя толковать и применять внутригосударственное законодательство в первую очередь должны органы власти государства-ответчика, особенно судебные (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания Centro Europa 7 S.r.l. и Ди Стефано против Италии», жалоба № 38433/09, § 140, *ECHR* 2012, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Корбей против Венгрии» (*Korbely v. Hungary*), жалоба № 9174/02, §§ 72–73, *ECHR* 2008, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Уэйт и Кеннеди против Германии» (*Waite and Kennedy v. Germany*), жалоба № 26083/94, § 54, *ECHR* 1999-I), Европейский Суд не находит оснований полагать, что заявители не могли в разумной степени предвидеть толкование применения статьи 6 Закона о диффамации 2003 года к их делу внутригосударственным апелляционным судом.

72. С учетом вышеизложенного Европейский Суд признает, что статья 6 Закона о диффамации 2003 года отвечала требуемому уровню точности и что, соответственно, вмешательство было «предусмотрено законом».

3. Преследовало ли вмешательство законную цель

73. Сторонами по делу не оспаривалось, что обжалуемое вмешательство имело законную цель,

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 11 (примеч. редактора).

а именно «защиту репутации или прав иных лиц». Европейский Суд не усматривает оснований для иного вывода по данному вопросу.

4. Необходимость в демократическом обществе

74. Остается решить, было ли обжалуемое вмешательство «необходимо в демократическом обществе», что является основным вопросом в настоящем деле. При этом Европейский Суд должен изучить, установили ли внутригосударственные суды справедливое равновесие между правом заявителей на свободу выражения мнения, гарантированную статьей 10 Конвенции, и интересом M.S. в защите ее репутации.

(a) Общие принципы

(i) Применение требования пункта 2 статьи 10 Конвенции в отношении того, что вмешательство должно быть «необходимым в демократическом обществе»

75. Общие принципы оценки необходимости вмешательства в осуществление свободы выражения мнения были недавно кратко обобщены в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Беда против Швейцарии» (*Bédat v. Switzerland*) (жалоба № 56925/08¹, § 48, *ECHR* 2016) следующим образом:

«...(i) Свобода выражения мнения составляет одну из существенных основ демократического общества и является одним из основных условий прогресса общества и самовыражения каждого из членов общества. Согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции указанное положение применимо не только к «информации» или «идеям», которые принимаются благосклонно или считаются неоскорбительными или не вызывают какой-либо реакции, но также к тем, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство. Таковы требования плюрализма, терпимости или широты мировоззрения, без которых нет «демократического общества». Как указано в статье 10 Конвенции, эта свобода подвержена ограничениям, которые... однако, должны толковаться ограничительно, а необходимость любого ограничения должна быть убедительно установлена...»

(ii) Прилагательное «необходимый» в контексте пункта 2 статьи 10 Конвенции подразумевает наличие «наущной социальной необходимости». Договаривающиеся Государства обладают широкой свободой усмотрения при оценке того, существует ли такая необходимость, но эта свобода сопровождается европейским надзором, который

включает в себя как законодательство, так и решения, применяющие его, даже вынесенные независимым судом. В связи с этим Европейский Суд имеет право выносить окончательное постановление по вопросу о том, совместимо ли «ограничение» со свободой выражения мнения, гарантированной статьей 10 Конвенции.

(iii) При осуществлении надзорной функции задачей Европейского Суда является не замещение национальных властей, а проверка на основании статьи 10 Конвенции решений, принимаемых ими в рамках их свободы усмотрения. Это не означает, что надзор сводится к необходимости убедиться в том, что государство-ответчик действовало в рамках своей свободы усмотрения разумно, осторожно и добросовестно; Европейский Суд должен исследовать оспариваемое вмешательство в свете дела в целом и определить, было ли оно «соразмерно преследуемой законной цели», и были ли мотивы, приведенные национальными властями, «относимыми и достаточными»... Осуществляя эту задачу, Европейский Суд обязан убедиться, что национальные власти применяли стандарты, которые соответствовали принципам, воплощенным в статье 10 Конвенции и, кроме того, что они основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов...».

(ii) Защита репутации в соответствии со статьей 8 Конвенции

76. Кроме того, можно напомнить, что право на защиту репутации – это право, которое защищено статьей 8 Конвенции как часть права на уважение личной жизни. Понятие «личная жизнь» является широким и не подлежит исчерпывающему определению, которое охватывает также физическую и психологическую неприкосновенность лица. Однако чтобы статья 8 Конвенции была применима, посягательство на репутацию лица должно достигнуть определенной степени серьезности и осуществляться способом, причиняющим вред осуществлению лицом права на уважение личной жизни» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Издательский дом «Аксель Шпрингер АГ» против Германии» (*Axel Springer AG v. Germany*) от 7 февраля 2012 г., жалоба № 39954/08, § 83, и Постановление Европейского Суда по делу «А. против Норвегии» (*A. v. Norway*) от 9 апреля 2009 г., жалоба № 28070/06, § 64). С другой стороны, статья 8 Конвенции не может использоваться для обжалования утраты репутации, которая является предсказуемым последствием собственных действий лица, таких, например, как совершение преступления (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Издательский дом «Аксель Шпрингер АГ» против Германии», § 83, и Постановление Европейского Суда по делу «Сидабрас и Джаяутас против Литвы» (*Sidabras and Džiautas v. Lithuania*), жалобы №№ 55480/00 и 59330/00, § 49, *ECHR* 2004-VIII).

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 6 (примеч. редактора).

(iii) Сопоставление статей 10 и 8 Конвенции

77. Если в соответствии с критериями, установленными выше, интересы «защиты репутации или прав иных лиц» обуславливают применение статьи 8 Конвенции, от Европейского Суда может потребоваться проверить, достигли ли власти государства-ответчика справедливого равновесия, защищая две ценности, гарантируемые Конвенцией, а именно, с одной стороны, свободу выражения мнения, защищаемую статьей 10 Конвенции, и, с другой стороны, право на уважение личной жизни, провозглашенное в статье 8 Конвенции. Общие принципы, применимые к сопоставлению этих прав, были впервые сформулированы в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)» (Von Hannover v. Germany) (№ 2) (жалобы №№ 40660/08 и 60641/08, §§ 104–107, ECHR 2012) и в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Издательский дом “Аксель Шпрингер АГ” против Германии», §§ 85–88), а затем более подробно изложены в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудерк и компания “Ашетт Филипакки Ассосье” против Франции» (Couderc and Hachette Filipacchi Associés v. France) (жалоба № 40454/07¹, §§ 90–93, ECHR 2015 (извлечение)), еще позднее обобщены в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии» (Perinçek v. Switzerland) (жалоба № 27510/08², § 198, ECHR 2015 (извлечение)) следующим образом:

«(i) В такого рода делах результат рассмотрения жалобы не должен меняться в зависимости от того, была она подана в Европейский Суд лицом, о котором говорится в заявлении, со ссылкой на статью 8 Конвенции, или лицом, сделавшим это заявление, со ссылкой на статью 10 Конвенции, поскольку права, гарантированные этими статьями Конвенции, в принципе заслуживают уважения в равной степени.

(ii) Выбор средств, которыми обеспечивается соблюдение статьи 8 Конвенции в сфере отношений частных лиц между собой, в принципе является вопросом, охватываемым свободой усмотрения государства-участника, независимо от того, о позитивных или негативных его обязательствах идет речь. Уважения личной жизни можно добиться разными способами, и характер обязательств зависит от того, какой конкретно аспект личной жизни является предметом спора.

(iii) Аналогичным образом статья 10 Конвенции наделяет власти государств-участников некоторой свободой усмотрения при определении того, было ли необходимо вмешательство в осуществле-

ние права на свободу выражения мнения, и если да, то в какой степени.

(iv) Свобода усмотрения государств, однако, подлежит общеевропейскому контролю, который распространяется как на законодательство, так и на правоприменительные акты, даже на те, которые приняты независимыми судами. Задача Европейского Суда при осуществлении его контрольных полномочий заключается не в том, чтобы поставить себя на место компетентных внутригосударственных органов власти, а в том, чтобы с учетом обстоятельств дела в целом проверить вынесенные ими решения на предмет их соответствия требованиям тех статей Конвенции, о которых идет речь в жалобе.

(v) Если внутригосударственные власти нашли баланс между различными правами и интересами в соответствии с критериями, установленными в прецедентной практике Европейского Суда, Европейскому Суду потребуются веские основания, чтобы подменить позицию внутригосударственных судов своей собственной точкой зрения».

(b) Подход, который должен быть применен Европейским Судом в настоящем деле

78. Чтобы определить подход, подлежащий применению в настоящем деле, Европейский Суд должен рассмотреть обжалуемое вмешательство в свете дела как такового, включая форму, в которой были оформлены замечания о заявителях, их содержание и контекст, в котором были сделаны оспариваемые высказывания (см. Постановление Европейского Суда по делу «Станкевич и другие против Польши» (Stankiewicz and Others v. Poland) от 14 октября 2014 г., жалоба № 48723/07, § 61, и Постановление Европейского Суда по делу «Никула против Финляндии» (Nikula v. Finland), жалоба № 31611/96, §§ 44 и 46, ECHR 2002-II).

(i) Следует ли сопоставить права, предусмотренные статьями 10 и 8 Конвенции

79. Европейский Суд учитывает, что не утверждалось и не представляется, что обвинения, выдвинутые против М.С. в письме заявителей, затрагивали поведение, которое рассматривалось как преступное в соответствии с внутригосударственным законодательством (см. противоположный пример в Постановлении Европейского Суда по делу «Уайт против Швеции» (White v. Sweden) от 19 сентября 2006 г., жалоба № 42435/02, § 25, Постановление Европейского Суда по делу «Санчес Карденас против Норвегии» (Sanchez Cardenas v. Norway) от 4 октября 2007 г., жалоба № 12148/03, §§ 37–39, Постановление Европейского Суда по делу «Пфейфер против Австрии» (Pfeifer v. Austria) от 15 ноября 2007 г., жалоба № 12556/03, §§ 47–48, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «А. против Норвегии»,

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 8 (примеч. редактора).

² См.: там же. № 4 (примеч. редактора).

§ 73). Однако он считает, что обвинение М.С. в неуважении к другой национальности и религии не только могло повредить ее репутации, но и причинить ей ущерб в профессиональной и социальной среде (см. § 104 настоящего Постановления). Следовательно, обвинения достигли требуемого уровня серьезности, который мог нарушить права М.С. в соответствии со статьей 8 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Дорота Каня против Польши (№ 2)» (*Dorota Kania v. Poland*) (№ 2) от 4 октября 2016 г., жалоба № 44436/13, § 73, которое затрагивало обвинения, выдвинутые против ректора университета, который был тайным коллаборационистом со службами безопасности коммунистической эры). Таким образом, Европейский Суд должен удостовериться в том, установили ли внутригосударственные власти справедливое равновесие между двумя ценностями, гарантированными Конвенцией, а именно, с одной стороны, свободой выражения мнения заявителей, гарантированной статьей 10 Конвенции, и, с другой стороны, правом М.С. на уважение ее репутации в соответствии со статьей 8 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Издательский дом “Аксель Шпрингер АГ” против Германии», § 84).

(ii) Применимость прецедентной практики Европейского Суда в отношении разоблачителей

80. Европейский Суд также рассмотрел вопрос о том, могло ли сообщение заявителей квалифицироваться, как утверждали вступившие в дело третьи стороны, в качестве разоблачения, как это явление определено в его прецедентной практике. Вместе с тем Европейский Суд учитывает, что заявители не находились в субординированных трудовых отношениях с публичной радиостанцией BD (см. §§ 43 и 44 настоящего Постановления), которые могли связывать их обязанностью лояльности, сдержанности и осмотрительности по отношению к радио, что является особыми признаками данного понятия, выработанными в его прецедентной практике (см. противоположные примеры в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гуджа против Республики Молдова» (*Guja v. Moldova*), жалоба № 14277/04, § 70, *ECHR* 2008, Постановлении Европейского Суда по делу «Букур и Тома против Румынии» (*Bucur and Toma v. Romania*) от 8 января 2013 г., жалоба № 40238/02, § 93, и Постановлении Европейского Суда по делу «Хейниш против Германии» (*Heinisch v. Germany*), жалоба № 28274/08, § 64, *ECHR* 2011 (извлечение)). Заявители, которые не являлись сотрудниками радиостанции BD, не имели эксклюзивного доступа к этой информации и прямой осведомленности о ней (см. Постановление Европейского

Суда по делу «Аурелиан Опря против Румынии» (*Aurelian Oprea v. Romania*) от 19 января 2016 г., жалоба № 12138/08¹, § 59), но, по-видимому, действовали в качестве «средства коммуникации» (см. § 45 настоящего Постановления) между сотрудниками радиостанции (относительно предполагаемого ненадлежащего поведения М.С. на рабочем месте) и властями BD. Не была представлена информация о том, что эти сотрудники столкнулись какими-либо последствиями их сигналов о предполагаемых проступках (там же). Заявители также не утверждали, что их письмо должно было рассматриваться как разоблачение (см. противоположные примеры в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гуджа против Республики Молдова», § 60, в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Хейниш против Германии», § 43, и в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Аурелиан Опря против Румынии», § 45). В отсутствие проблемы лояльности, сдержанности и осмотрительности у Европейского Суда нет необходимости рассматривать разновидность проблемы, занимавшей центральное место в вышеупомянутой прецедентной практике о разоблачителях, а именно имелись ли альтернативные каналы или иные эффективные средства, с помощью которых заявители могли устранить предполагаемые проступки (такие как обращение к руководству лица или в иной компетентный орган), которые заявители намеревались разоблачить (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гуджа против Республики Молдова», § 73).

(iii) Применимость прецедентной практики Европейского Суда в отношении предполагаемых нарушений в поведении должностных лиц государства

81. Вместе с тем имеет важное значение тот фактор, что письмо заявителей в высшие органы власти BD побудило М.С. инициировать диффамационное разбирательство, в котором они жаловались на М.С., которая в период, относившийся к обстоятельствам дела, была редактором развлекательной программы публичной радиостанции и одним из кандидатов на пост ее директора. Поскольку радиостанция была публичной и финансировалась государством, М.С., несомненно, должна была рассматриваться в качестве государственной служащей. Власти Боснии и Герцеговины поддерживали ту же позицию (см. § 59 настоящего Постановления).

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 1 (примеч. редактора).

82. В этой связи Европейский Суд находит особенно заслуживающим внимания подход, которому следовал Конституционный суд Боснии и Герцеговины в настоящем деле (см. § 33 настоящего Постановления), ссылавшийся по существу на конвенционную прецедентную практику, разработанную в сопоставимой группе дел, где Европейский Суд на основании фактов установил, что «требования защиты в соответствии со статьей 10 Конвенции долж[ны] сопоставляться не с интересами свободы прессы или открытой дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес, а с правом заявителей сообщать о предполагаемых недостатках в поведении должностных лиц государства» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Захаров против Российской Федерации» (*Zakharov v. Russia*) от 5 октября 2006 г., жалоба № 14881/03¹, § 23, Постановление Европейского Суда по делу «Сирык против Украины» (*Siryk v. Ukraine*) от 31 марта 2011 г., жалоба № 6428/07, § 42, Постановление Европейского Суда от 21 декабря 2010 г. по делу «Софрански против Республики Молдова» (*Sofranschi v. Moldova*), жалоба № 34690/05, § 29, Постановление Европейского Суда по делу «Безымянный против Российской Федерации» (*Bezmyannyy v. Russia*) от 8 апреля 2010 г., жалоба № 10941/03², § 41, Постановление Европейского Суда по делу «Казаков против Российской Федерации» (*Kazakov v. Russia*) от 18 декабря 2008 г., жалоба № 1758/02³, § 28, и Постановление Европейского Суда по делу «Лешник против Словакии» (*Lešník v. Slovakia*), жалоба № 35640/97, *ECHR* 2003-IV). Важный подход в этой линии прецедентной практики заключается в том, что «одной из составляющих верховенства права» является «возможность граждан сообщать компетентным государственным органам о действиях государственных служащих, которые представляются им неправильными или незаконными» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Захаров против Российской Федерации», § 26, Постановление Европейского Суда по делу «Сирык против Украины», § 42, Постановление Европейского Суда по делу «Софрански против Республики Молдова», § 30, Постановление Европейского Суда по делу «Безымянный против Российской Федерации», § 40, Постановление Европейского Суда по делу «Казаков против Российской Федерации», § 28, и, *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Лешник против Словакии», § 60, все из которых упоминались выше). Предшествовавший принцип и применявшие его постановления демон-

стрируют, что Европейский Суд готов оценивать добросовестность заявителя и меры, принимаемые для установления истины в соответствии с более субъективным и мягким подходом, чем в других видах дел (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Педерсен и Бодсгор против Дании» (*Pedersen and Baadsgaard v. Denmark*), жалоба № 49017/99, § 87, *ECHR* 2004-XI).

83. В то же время следует подчеркнуть, что в вышеупомянутых делах решающим аргументом для оценки пропорциональности Европейским Судом был тот факт, что оспариваемые диффамационные высказывания делались в порядке частной переписки, которую заявитель вел с вышестоящим сотрудником данной потерпевшей стороны (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сирык против Украины», § 42, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Безымянный против Российской Федерации», § 41, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Казаков против Российской Федерации», § 28, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Захаров против Российской Федерации», § 23, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Лешник против Словакии») или с должностными лицами государства (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Софрански против Республики Молдова», § 29). В некоторых случаях оспариваемые утверждения следовали из личного опыта заявителей (дело «Сирык против Украины» касалось утверждений заявительницы о том, что должностные лица Академии налоговой службы, где обучался ее сын, требовали от нее взятки; в деле «Безымянный против Российской Федерации» заявитель сообщал о предполагаемом незаконном поведении судьи, который рассматривал его дело; в деле «Казаков против Российской Федерации» бывший военнослужащий направил письменную жалобу на предполагаемое незаконное поведение командира войсковой части; в деле «Лешник против Словакии» заявитель жаловался на злоупотребления и коррупцию со стороны прокурора, который отклонил его заявление о возбуждении уголовного дела против третьего лица), тогда как в остальных делах жалобы были поданы заявителями, которые не были прямо затронуты обжалуемыми проблемами (дело Захарова возникло по жалобе лица на то, что должностное лицо администрации населенного пункта злоупотребляло своими должностными полномочиями и способствовало захвату земли; в деле «Софрански против Республики Молдова» заявитель, являвшийся членом избирательного штаба кандидата на должность мэра их села, написал письмо с критикой другого кандидата).

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 4 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2010. № 10 (примеч. редактора).

³ См.: там же. 2009. № 12 (примеч. редактора).

84. Таким образом, как видно из вышеизложенного анализа, имеются некоторые сходства между делами типа Захарова и настоящим делом. Однако, как будет объяснено далее, существуют также определенные отличия, требующие принятия более гибкого подхода, основанного на нижеследующих критериях.

(iv) Относимость прецедентной практики Европейского Суда в отношении дискредитации публичных должностных лиц, а также роли НПО и прессы

85. В частности, в отличие от вышеупомянутых дел, утверждения, которые заявители выдвинули в настоящем деле, были сделаны не частным лицом, а четырьмя НПО, и они не были основаны на их прямом личном опыте.

86. Прежде всего следует подчеркнуть, что роль НПО, сообщающей о предполагаемом ненадлежащем поведении или нарушениях со стороны публичных должностных лиц, не менее важна, чем та, которую исполняет лицо в соответствии с линией в деле Захарова прецедентной практики, даже если, как в настоящем случае, она не основана на прямом личном опыте. Действительно, Европейский Суд признал, что, если НПО придает значение вопросам публичного интереса, она осуществляет роль общественного контролера той же важности, что и пресса (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Международная организация защитников животных против Соединенного Королевства» (*Animal Defenders International v. United Kingdom*), жалоба № 48876/08, § 103, *ECHR* 2013 (извлечения)), и может быть охарактеризована как «общественный контролер», требующий той же защиты в соответствии с Конвенцией, что и предоставленная прессе (см. там же, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Венгерский Хельсинкский комитет против Венгрии» (*Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary*) от 8 ноября 2016 г., жалоба № 18030/11¹, § 166). Европейский Суд признавал, что гражданское общество вносит важный вклад в обсуждение общественных дел (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» (*Steel and Morris v. United Kingdom*), жалоба № 68416/01², § 89, *ECHR* 2005-II, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Венгерский Хельсинкский комитет против Венгрии», § 166). Также заслуживает внимания,

что в основополагающих принципах о статусе неправительственных организаций в Европе, цитируемых в § 45 настоящего Постановления, подчеркивается важный вклад НПО в «развитие, реализацию и длящееся сохранение демократических обществ» и необходимость в таких обществах приветствовать участие [НПО] в... механизмах диалога, консультации и обмена».

87. В то же время не следует пренебрегать тем фактом, что так же, как и пресса, НПО, играющая роль общественного контролера, по-видимому, имеет большее влияние, когда сообщает о нарушениях со стороны публичных должностных лиц, и часто располагает более широкими средствами для проверки и подтверждения достоверности критики, чем лицо, сообщающее о том, что оно наблюдало лично. В сфере свободы прессы Европейский Суд указывал, что, «поскольку осуществлению свободы выражения мнения присущи «обязанности и ответственность», гарантии, предоставленные статьей 10 Конвенции журналистам в отношении освещения вопросов, представляющих общественный интерес, применяются при условии, что они действуют добросовестно, предоставляя точную и надежную информацию в соответствии с журналистской этикой» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гудвин против Соединенного Королевства» (*Goodwin v. United Kingdom*) от 27 марта 1996 г., § 39, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-II, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фрессоз и Руар против Франции» (*Fressoz and Roire v. France*), жалоба № 29183/95, § 54, *ECHR* 1999-I, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бладет Тромсё и Стенсос против Норвегии» (*Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*), жалоба № 21980/93, § 65, *ECHR* 1999-III). Недавно в вышеупомянутом деле «Венгерский Хельсинкский комитет против Венгрии» Европейский Суд подтвердил, что те же соображения применимы к НПО, принявшей функции общественного контролера (§ 159). Аналогичный подход отражен в Кодексе этики и поведения НПО, процитированном выше в § 46, согласно которому «НПО не должны нарушать основных прав человека, которыми наделен каждый», «должны предоставлять точную информацию... в отношении... любого лица» и «информация, которая распространяется [НПО] среди... людей, принимающих решения, должна быть достоверной и представленной в надлежащем контексте».

(v) Заключение

88. Соответственно, настоящее дело выявляет потребность учета более широкого спектра факторов, чем в делах типа дела Захарова, в которых Европейский Суд придавал «решающее значение» тому факту, что заявители изложили свои пре-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 9 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 7 (примеч. редактора).

тензии в порядке частной переписки (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Захаров против Российской Федерации», § 26, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Софрански против Республики Молдова», § 33, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Казак против Российской Федерации», § 29, а также Постановление Европейского Суда по делу «Райчинов против Болгарии» (Raichinov v. Bulgaria) от 20 апреля 2006 г., жалоба № 47579/99, § 48), и возложил на заявителя сравнительно щадящее бремя установления их достоверности (см. § 82 настоящего Постановления). Сопоставляя затронутые конкурирующие интересы, а именно право заявителей на свободу выражения мнения против права M.S. на уважение ее личной жизни (см. § 79 настоящего Постановления), Европейский Суд считает целесообразным принять во внимание также критерии, которые обычно применяются к распространению дискредитирующих высказываний средствами массовой информации при осуществлении их функции общественного контролера, а именно степень известности затронутого лица, предмет новостного сообщения, содержание, форма и последствия публикации, а также способ, которым получена информация, и ее достоверность, а также тяжесть примененной санкции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», §§ 108–113, ECHR 2012, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Издательский дом “Аксель Шпрингер АГ” против Германии», §§ 89–95, и упоминавшееся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудерк и компания “Ашетт Филипаки Ассошь” против Франции», § 93).

(с) Применение вышеизложенных принципов и критериев в настоящем деле

89. Европейский Суд рассмотрит относящиеся к настоящему делу факторы по очереди, чтобы определить, было ли спорное вмешательство, взятое в целом, оправдано соответствующими и достаточными основаниями, и было ли оно пропорционально преследуемой законной цели.

(i) Частный характер корреспонденции

90. Европейский Суд учитывает, что анализ внутригосударственных судов был ограничен частной перепиской между заявителями и должностными лицами государства. Действительно, вывод апелляционного суда о том, что заявители несли ответственность за диффамацию, был основан только на факте «письма, направленного в офис высокого представителя ВД, международ-

ного Контролера ВД, председателя ассамблеи ВД и мэра ВД... [в котором они] выразили и распространили вышеуказанным лицам¹ факты относительно поведения апелланта, ее действий и заявлений...» (см. § 28 настоящего Постановления). Конституционный суд подтвердил, что «оспариваемые [судебные] решения касаются письма, которое [заявители] направили властям ВД и Контролеру ВД, представив истца (M.S.) в негативном свете» (см. § 33 настоящего Постановления). Тот факт, что письмо заявителей было опубликовано в местных газетах, не играл какой-либо роли в выводе внутригосударственных судов относительно ответственности заявителей за диффамацию, поскольку не было доказано, что они несут ответственность за его публикацию. Это подтвердили власти Боснии и Герцеговины в своих меморандумах (см. § 60 настоящего Постановления).

91. Европейский Суд также придерживается мнения о том, что ответственность заявителей за диффамацию должна оцениваться только в отношении их частной переписки с местными органами власти, а не публикации письма в средствах массовой информации (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Безыманный против Российской Федерации», § 37) или любых других средств (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Софрански против Республики Молдова», § 28, которое затрагивало распространение оспариваемых слухов среди жителей села).

(ii) Общественный интерес в информации, содержащейся в письме

92. Кроме того, во внимание должен быть принят тот фактор, составляла ли информация, содержащаяся в письме заявителей, вопрос общественного интереса. Это зависит от более широкой оценки предмета и контекста письма (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бладет Тромсё и Стенсос против Норвегии», § 63, Постановление Европейского Суда по делу «Бьёрк Эйдсдоттир против Исландии» (Björk Eidsdóttir v. Iceland) от 10 июля 2012 г., жалоба № 46443/09, § 67, и Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Тёнсбергс блад А.С.” и Хёуком против Норвегии» (Tønbergers Blad A.S. and Haukom v. Norway) от 1 марта 2007 г., жалоба № 510/04, § 87).

93. Европейский Суд учитывает, что в письме заявители критически высказывались о степени, в которой внутригосударственные власти соблюдали принцип пропорционального представительства этнических общин на государственной служ-

¹ Европейский Суд неточно цитирует самого себя. В действительности в § 28 настоящего Постановления слова «вышеуказанным лицам» отсутствуют, и речь идет о вышеуказанных фактах (примеч. переводчика).

бе в ВД (см. § 10 настоящего Постановления). Они ссылались на предыдущие случаи несоблюдения данного принципа, которые предположительно наносили ущерб интересам хорватов и бошняков в ВД. Данные случаи также затрагивали трудоустройство персонала радиостанции ВД. В этой связи заявители оспорили кандидатуру М.С. на должности директора радиостанции, предположительно представленную членами большинства в отборочной панели, которые являлись сербами. Заявители утверждали, что М.С. вела себя оскорбительно по отношению к этническим бошнякам.

94. Европейский Суд полагает, что не может быть сомнений в том, что любое обсуждение по поводу этнического баланса сотрудников государственной службы является серьезным и относится к публичной сфере. Высокий стандарт публичной службы, на которой гражданские служащие, в частности, «оказывающие важное влияние на проблемы общества, имеющие политический интерес» (см. § 22 настоящего Постановления), уважают этническую и религиозную идентичность лиц, проживающих в Боснии и Герцеговине, является важным вопросом общественного интереса. Особая значимость, которую в период, относившийся к обстоятельствам дела, в боснийском обществе имел любой вопрос, касавшийся этнической или религиозной направленности, как утверждали власти Боснии и Герцеговины, являлась дополнительным свидетельством того, что письмо в целом затрагивало вопросы публичной озабоченности в ВД. Эти вопросы, по меньшей мере, представляли серьезную обеспокоенность для бошняков, представленных заявителями, которые, как следовало из письма, считали себя недопредставленными на публичной службе (см. Постановление Европейского Суда по делу «Компания «Альберт-Энгельман-гезельшафт мбХ» против Австрии» (Albert-Engelmann-Gesellschaft mbH v. Austria) от 19 января 2006 г., жалоба № 46389/99, § 30).

(iii) Адресаты письма, уполномоченные получать информацию

95. Европейский Суд учитывает, что власти, с которыми связались заявители, не обладали прямой компетенции в разбирательстве о назначении директора радиостанции (см. § 35 настоящего Постановления). Однако он признает, что они имели законный интерес в информировании по вопросам, поднятым в письме. Власти Боснии и Герцеговины не утверждали обратного.

(iv) Способ, которым заявители сообщили о предполагаемых недостатках компетентным органам

96. Европейский Суд сосредоточит свое внимание на утверждениях заявителей относительно

но М.С., которые были единственной основой для вывода внутригосударственных судов о признании заявителей несущими ответственность за диффамацию (см. § 23 настоящего Постановления и § 33 Постановления Палаты). В соответствующих частях заявления указывалось следующее:

«Согласно нашей информации (*našim informacijama*) данная госпожа

(1) заявила в интервью, опубликованном в NIN, комментируя разрушение мечетей в Брчко, что мусульмане не являются народом, что они не имеют культуры и что, соответственно, разрушение мечетей не может рассматриваться как разрушение культурных памятников,

(2) являясь сотрудницей радио ВД, демонстративно порвала (*demonstrativno kidala*) в помещении радиостанции календарь с графиком религиозных служб в месяц Рамадан,

(3) в помещении радиостанции закрыла Герб Боснии и Герцеговины Гербом Республики Сербской,

(4) в качестве редактора культурной программы на радио ВД запретила трансляцию *севдалинки*, утверждая, что этот вид песни не имеет культурной или музыкальной ценности».

97. Внутригосударственные суды (Апелляционный суд ВД и Конституционный суд Боснии и Герцеговины) квалифицировали эти высказывания как утверждения о факте (а не как оценочные суждения). Отметив, что оспариваемые заявления описывали в основном слова и поступки, предположительно вменяемые М.С., Европейский Суд не видит оснований для иного вывода.

(а) *Насколько известным являлось заинтересованное лицо, и какова была тема утверждений*

98. Следует отметить, что вышеизложенные высказывания касались М.С., которая в то время была сотрудницей радиостанции ВД и, соответственно, государственной служащей (см. § 81 настоящего Постановления). Европейский Суд напоминает, что в отношении государственных служащих, действующих в официальном качестве, рамки допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции» (Morange v. France), жалоба № 29369/10¹, § 131, ECHR 2015). С учетом характера должности, которую М.С. занимала в период, относившийся к обстоятельствам дела (редактор развлекательной программы), нельзя утверждать, что эти пределы были такими же широкими, как и в деле политических деятелей (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Педерсен и Бодсгор против Дании»,

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 10 (примеч. редактора).

§ 80, Постановление Европейского Суда по делу «Тома против Люксембурга» (Thoma v. Luxembourg), жалоба № 38432/97, § 47, ECHR 2001-III, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яновский против Польши», § 33). Однако Европейский Суд учитывает, что М.С., выдвинув свою кандидатуру на пост директора радиостанции и имея в виду, что в письме содержалась также информация, представляющая общественный интерес (см. § 94 настоящего Постановления), должна считаться неизбежно и сознательно вступившей в публичную сферу и открывшей себя для внимательного контроля своих действий. Апелляционный суд ВД также согласился с тем, что М.С. была гражданской служащей и что должность директора радиостанции должна была рассматриваться как особый публичный интерес (см. § 22 настоящего Постановления). При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что пределы допустимой критики, соответственно, должны быть шире, чем для обычного профессионала (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бьёрк Эйдсдоттир против Исландии», § 68, и Постановление Европейского Суда по делу «Эрла Хлинсдоттир против Исландии» (Erla Hlynisdóttir v. Iceland) от 10 июля 2012 г., жалоба № 43380/10, § 65).

99. Как отмечено выше (см. § 96 настоящего Постановления), четыре оспариваемых высказывания содержали утверждения о нарушениях со стороны М.С. на рабочем месте и комментарии в газете, автором которого она предположительно являлась и который выражал пренебрежение к различным этническим и религиозным сегментам боснийского общества.

(β) Содержание, форма и последствия информации, переданной властям

100. Для оценки в этой части важным фактором является формулировка, использованная заявителями в оспариваемом письме. В этой связи Европейский Суд учитывает, что заявители прямо не указали в письме, что часть информации, переданной ими властям, происходила из других источников (сотрудников радиостанции) (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тома против Люксембурга», § 64, и Постановление Европейского Суда по делу «Торгейр Торгейрсон против Исландии» (Thorgeir Thorgeirson v. Iceland) от 25 июня 1992 г., § 65, Series A, № 239), в отсутствие обязанности установить этот источник (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Альберт-Энгельман-гезельшафт мбХ” против Австрии», § 32). Заявители отправили свое письмо со словами «согласно нашей информации», но ясно не указали, что действуют в ка-

честве передатчиков информации. Таким образом, они косвенно представили себе как имеющих прямой доступ к этой информации (см. Решение Европейского Суда по делу «Компания “Верденс Ганг” и Осе против Норвегии» (Verdens Gang and Aase v. Norway), жалоба № 45710/99, ECHR 2001-X, см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тома против Люксембурга», § 64). При таких обстоятельствах они приняли на себя ответственность за высказывания, включенные в их письмо.

101. Аналогичные соображения применимы к утверждению о том, что в своем кабинете М.С. заслонила государственный Герб Боснии и Герцеговины Гербом Республики Сербской, что, как установлено в диффамационном разбирательстве, основывалось на слухе (см. § 25 настоящего Постановления) (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Тёнсбергс блад А.С.” и Хёуком против Норвегии», § 95). Европейский Суд далее вернется к этому вопросу при анализе обязанности заявителей проявлять заботливость при проверке достоверности оспариваемой информации.

102. Другой важный фактор заключается в том, состояла ли цель оспариваемых высказываний в обвинении М.С. или в уведомлении компетентных должностных лиц государства по поводу поведения, которое представлялось ненадлежащим или незаконным (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Захаров против Российской Федерации», § 26). В своем контекстуальном рассмотрении письма в целом Европейский Суд должен дать собственную оценку оспариваемых высказываний (см. Постановление Европейского Суда по делу «Никовиц и компания “Ферлагсгруппе Ньюс ГмбХ” против Австрии» (Nikowitz and Verlagsgruppe News GmbH v. Austria) от 22 февраля 2007 г., жалоба № 5266/03, §§ 25–26).

103. Заявители утверждали, что они собирались уведомить компетентные органы о некоторых нарушениях и побудить их к проверке утверждений, содержащихся в письме (см. §§ 17 и 53 настоящего Постановления). Однако Европейский Суд отмечает, что оспариваемое письмо не содержало «требования» о проведении расследования и проверке утверждений. Хотя заявители выражали ожидание того, что власти «надлежащим образомотреагируют на [их] письмо» (см. § 11 настоящего Постановления), неясно, означало ли данное высказывание расследование или проверку фактических утверждений по поводу М.С. В любом случае Европейский Суд не может не отметить указание в письме заявителей о том, что «на эту должность [директора радиостанции] должен быть назначен бошняк» (см. § 11 настоящего Постановления).

104. Что касается последствий обвинений, переданных властям, Европейский Суд полагает, что не

приходится сомневаться в том, что при комплексном рассмотрении с учетом специфического контекста, в котором они были выдвинуты (см. § 59 настоящего Постановления), поведение, приписанное M.S., должно рассматриваться как особенно ненадлежащее с моральной и общественной точек зрения. Утверждения заявителей представили M.S. в крайне негативном свете и могли изображать ее в качестве лица, имевшего неуважительные и пренебрежительные мнения и чувства по отношению к мусульманам и этническим бошнякам. Внутригосударственные суды указали, что данные высказывания содержали диффамационные обвинения, причинившие вред репутации M.S. (см. § 28 настоящего Постановления). Европейский Суд не усматривает оснований для иного вывода. Напротив, характер обвинений серьезно ставил под сомнение пригодность M.S. не только для занятия должности директора радиостанции BD, на которую она претендовала, но также ее роли редактора развлекательной программы на многонациональной публичной радиостанции BD.

105. То, что эти заявления были представлены ограниченному количеству должностных лиц государства в рамках частной переписки, не устраняет их потенциально вредного эффекта для карьерных перспектив M.S. как государственной служащей и для ее профессиональной репутации в качестве журналиста. Власти Боснии и Герцеговины утверждали, что оспариваемое письмо служило «средством политического давления», которое воспрепятствовало отборочной панели назначить кого-либо из кандидатов на должность. Не строя предположений относительно того, сыграли ли оспариваемые высказывания письма какую-либо роль в процедуре отбора, которая продолжалась в то время, Европейский Суд отмечает, что M.S. не была назначена на пост директора радиостанции BD.

106. Наконец, Европейский Суд учитывает, что диффамационные обвинения заявителей в отношении M.S. попали в прессу. Любое заключение о том, каким образом оспариваемое письмо в настоящем деле попало в средства массовой информации, рисковало бы быть похожим на спекуляцию. Независимо от того, как средства массовой информации получили письмо, можно предположить, что его публикация открыла возможность для публичных дискуссий и усугубила причинение вреда достоинству и профессиональной репутации M.S.

(γ) Достоверность раскрытой информации

107. Еще одним и, по мнению Европейского Суда, наиболее важным фактором, относящимся к сопоставлению в настоящем деле, является достоверность информации, переданной властям.

108. Европейский Суд ссылается на свой вывод о том, что деятельность заявителей, которые играли роль общественных контролеров, требует конвен-

ционной защиты, схожей с той, которая предоставлена прессе (см. § 87 настоящего Постановления). В контексте свободы прессы Европейский Суд указал, что необходимо существование особых причин для освобождения средства массовой информации от его обычной обязанности проверки утверждений о фактах, умаляющих репутацию частных лиц. Наличие таких причин зависит, в частности, от характера и степени диффамации и от того, насколько средство массовой информации может разумно считать свои источники надежными в отношении данных утверждений (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бладет Тромсё и Стенсос против Норвегии», § 66, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Педерсен и Бодсгор против Дании», § 78, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бьёрк Эйдсдоттир против Исландии», § 70). Эти факторы в свою очередь требуют рассмотрения иных элементов, таких как провела ли газета разумный объем исследовательской работы до публикации (см. Постановление Европейского Суда по делу «Прагер и Обершлик против Австрии» (Prager and Oberschlick v. Austria) от 26 апреля 1995 г., § 37, Series A, № 313¹), представила ли газета повествование разумно сбалансированным образом (см. Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Бергенс Тиденде” и другие против Норвегии» (Bergens Tidende and Others v. Norway), жалоба № 26132/95, § 57, ECHR 2000-IV), и предоставила ли газета заинтересованным лицам возможность защитить себя (см. там же, § 58).

109. Европейский Суд полагает, что заявители в настоящем деле подобно газетам были связаны требованием проверки утверждений, выдвинутых против M.S. Это требование содержится в Кодексе этики и поведения НПО (см. §§ 46 и 86 настоящего Постановления) и должно рассматриваться в контексте «обязанностей» в деятельности НПО (см. § 45 настоящего Постановления). То обстоятельство, что оспариваемые утверждения были сообщены государственным органам в рамках частной переписки, хотя и является важным фактором, не наделяет заявителей полностью неограниченной свободой по распространению непроверенных порочащих сведений. Обязанность властей проверять такие утверждения не может рассматриваться как замена обычной обязанности проверки фактических утверждений, которые являются диффамационными, даже в отношении государственных служащих. То, что заявители воспринимались (см. § 16 настоящего Постановления) и на самом деле действовали как представители интересов конкретных слоев населения BD, усиливало их обязан-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4 (примеч. редактора).

ность проверять точность информации до ее сообщения властям. Европейский Суд проанализирует, исполнили ли заявители свою обязанность в отношении каждого из оспариваемых высказываний. Разумность усилий, предпринятых в этом отношении, должна определяться с учетом ситуации, существовавшей во время подготовки письма, а не ретроспективно (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Станкевич и другие против Польши», § 72).

110. Информация, которую заявители передали властям, принимая во внимание ее источник, была двойкой: 1) информация, полученная заявителями от сотрудников радиостанции, и 2) информация, полученная иным способом.

111. Информация первого вида касалась утверждений о факте относительно снятия календаря богослужений в месяц Рамадан со стены в помещении радиостанции и предполагаемого запрета трансляции *севдалинки*. Внутригосударственные суды установили, что R.S. и O.S. (сотрудники радиостанции) обсуждали эти два вопроса с O.H., членом и юридическим представителем первого заявителя по делу. Вместе с тем они указали, что версия сотрудников неточно соответствовала информации, содержащейся в письме заявителей. R.S. и O.S. подтвердили, что M.S. сняла календарь религиозных служб в месяц Рамадан со стены в помещении радиостанции. Однако они не подтвердили часть высказывания заявителей о том, что при этом M.S. «демонстративно порвала [календарь] на куски». Кроме того, O.S. подтвердил, что он жаловался первому заявителю, что M.S. просила его объяснить, почему *севдалинка* транслировалась в период, отведенный в программе для другого вида музыки. Тем не менее ничто не указывает на то, что O.S. сказал, что M.S. «запретила трансляцию *севдалинки*, утверждая, что этот вид песни не имеет культурной или музыкальной ценности».

112. Конституционный суд Боснии и Герцеговины отметил, что «существовала явная непоследовательность между тем, что было сказано апеллянтам, и тем, что они сообщали в письме...» (см. § 33 настоящего Постановления). Хотя определенную степень гиперболы и преувеличения следует претерпевать и даже ожидать, что касается сообщений НПО (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства», § 90), это расхождение не было незначительным, но усугубило версию, полученную от сотрудников, что ухудшило образ M.S. как не уважающей культурную и этническую идентичность бошняков и мусульман. Европейский Суд подчеркивает, что заявители как НПО, члены которых пользуются хорошей репутацией в обществе (см. § 59 настоящего Постановления), должны были обеспечить точную передачу версии сотрудников в качестве важного элемента развития и поддержания взаим-

ного доверия и их имиджа компетентных и ответственных участников общественной жизни. Кроме того, оспариваемые утверждения были представлены как утверждения о факте, а не как оценочные суждения. Внутригосударственные суды решили, что за эту непоследовательность несут ответственность заявители. Письмо не содержало данных, способных поставить под сомнение этот вывод.

113. Информация второго вида (см. выше) затрагивала обвинения в том, что M.S. заслонила Герб Боснии и Герцеговины Гербом Республики Сербской и что в местной газете она сделала заявление о том, что «мусульмане не являются народом, что они не имеют культуры и что, соответственно, разрушение мечетей не может рассматриваться как разрушение культурных памятников».

114. Что касается предполагаемого «инцидента» относительно герба, внутригосударственные суды установили, что он обсуждался на встрече заявителей, проведенной до подготовки письма. На этой встрече S.C., представитель второго заявителя по делу, подтвердил, что слышал разговоры людей в городе по поводу предполагаемого инцидента (см. § 25 настоящего Постановления). Заявители не представили в диффамационном разбирательстве или в разбирательстве дела в Европейском Суде какие-либо доказательства того, что они предприняли усилия для проверки достоверности этого слуха до его сообщения властям. На основе устных объяснений сотрудников радиостанции, данных в судебном процессе, внутригосударственные суды установили неточность этой информации (см. § 27 настоящего Постановления).

115. Еще более важно, что сообщение заявителей о M.S. как об авторе оспариваемой статьи в газете было основано на догадках «заслуженного члена [организации-заявительницы]...» (см. §§ 25 и 26 настоящего Постановления). Поскольку высказывание, о котором сообщили заявители, действительно содержалось в данной статье, суды государства-ответчика установили, что M.S. не являлась ее автором. Европейский Суд полагает, что проверка этого факта до его сообщения не требовала особых усилий со стороны заявителей. Личность автора данного высказывания могла быть легко установлена и требовала простой проверки со стороны заявителей. Несмотря на серьезность их обвинения против M.S., заявители легкомысленно выдвинули его без каких-либо попыток проверки достоверности их утверждения. Европейский Суд подчеркивает, что чем серьезнее обвинение, тем большая осмотрительность требуется при доведении его до сведения соответствующих властей (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Педерсен и Бодсгор против Дании», §§ 80 и 87). Заявители также не уведомили получателей письма о неточности после того, как они выяснили, что M.S. не являлась автором оспариваемого высказывания (см. § 26 настоя-

щего Постановления). Они не представили объяснений тому, что они этого не сделали.

116. Кроме того, и в контексте конкретных обстоятельств дела Европейский Суд учитывает, что М.С. не имела возможности комментировать утверждения, которые заявители собирались довести до сведения государственных органов (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Бергенс Тиденде” и другие против Норвегии», § 58). Не было представлено доводов о том, что такие меры было невозможно принять или что они были нецелесообразны при обстоятельствах дела.

117. Апелляционный суд ВД указал, что заявители «не доказали достоверность [утверждений]... о ложности которых они знали или должны были знать» (см. §§ 27 и 28 настоящего Постановления). Конституционный суд добавил, что эти высказывания касались «явно недостоверных утверждений о факте» и что заявители «не предприняли разумные усилия для проверки достоверности [этих] утверждений о факте до [сообщения], а лишь сделали эти [заявления]» (см. § 33 настоящего Постановления). Европейский Суд не усматривает оснований для отхода от данного вывода. Соответственно, он заключает, что заявители не представили достаточной фактической основы для своих оспариваемых утверждений о М.С. в своем письме.

(д) Что касается суровости санкции

118. Последний элемент, который должен быть принят во внимание, это суровость санкции, примененной к заявителям. В этой связи Европейский Суд напоминает, что характер и суровость примененного наказания являются факторами, которые необходимо учитывать при оценке соразмерности вмешательства (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрек против Турции (№ 1)» (Sürek v. Turkey) (№ 1), жалоба № 26682/95, § 64, ECHR 1999-IV, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джейлан против Турции» (Ceylan v. Turkey), жалоба № 23556/94, § 37, ECHR 1999-IV, Постановление Европейского Суда по делу «Шови и другие против Франции» (Chauvy and Others v. France), жалоба № 64915/01, § 78, ECHR 2004-VI, и Постановление Европейского Суда по делу «Таммер против Эстонии» (Tammer v. Estonia), жалоба № 41205/98, § 69, ECHR 2001-I).

119. Европейский Суд учитывает, что Апелляционный суд ВД возложил на заявителей две обязанности: уведомить власти об отзыве своего письма (приказ об отзыве), в отсутствие чего они должны выплатить 1 280 евро совместно в качестве компенсации морального вреда (приказ об уплате), и передать решение на радио и телевидение ВД и в две газеты для публикации за счет зая-

вителей (приказ о публикации) (см. § 29 настоящего Постановления). Палата «приняла во внимание компенсацию вреда со стороны заявителей в контексте гражданского разбирательства и не сочла ее несоразмерной» (см. § 35 Постановления Палаты).

120. Европейский Суд не считает, что приказ, обязывающий заявителей отозвать письмо в 15-дневный срок или выплатить компенсацию вреда, порождает какой-либо вопрос в соответствии с Конвенцией. Только по истечении срока, установленного Апелляционным судом ВД, внутригосударственные суды начали принимать меры во исполнение приказа об уплате. Европейский Суд также убежден, что сумма компенсации, взысканной с заявителей, сама по себе не была непропорциональной. Соответственно, не имеет значения тот факт, что при определении данной суммы Апелляционный суд ВД принял во внимание публикацию оспариваемого письма в средствах массовой информации, несмотря на то, что не учитывал этот факт при признании заявителей ответственными за диффамацию (см. §§ 29 и 60 настоящего Постановления). Аналогичные доводы применимы к приказу о публикации.

(е) Заключение

121. С учетом вышеизложенного Европейский Суд не усматривает веских причин, которые потребовали бы от него заменить своей позицией мнение внутригосударственных судов и отклонить выполненное ими сравнение (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», § 107, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», § 198). Европейский Суд признает, что оспариваемое вмешательство подтверждалось соответствующими и достаточными основаниями и что власти государства-ответчика установили справедливое равновесие между интересом заявителей в свободе выражения мнения, с одной стороны, и интересом М.С. в защите ее репутации, с другой стороны, таким образом, действуя в пределах их усмотрения (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Таммер против Эстонии», § 60, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Педерсен и Бодсгор против Дании», § 68).

122. Соответственно, по делу требования статьи 10 Конвенции нарушены не были.

На основании изложенного Большая Палата Суда:

постановила 11 голосами «за» при шести – «против», что по делу требования статьи 10 Конвенции нарушены не были.

Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 27 июня 2017 г.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН	Андраш ШАЙО
Заместитель Секретаря	Председатель
Большой Палаты Суда	Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(а) совместное несопадающее особое мнение судей Андраша Шайо, Ишиль Каракаш, Юлии Моток и Мартиныша Митса;

(b) несопадающее особое мнение судьи Фариса Вехабовича;

(с) несопадающее особое мнение судьи Эгидиуса Куриса.

СОВМЕСТНОЕ НЕСОПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АНДРАША ШАЙО, ИШИЛЬ КАРАКАШ, ЮЛИИ МОТОК И МАРТИНЬША МИТСА

К сожалению, мы не согласны с большинством судей и считаем, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в настоящем деле. Это дело не может быть разрешено на основе общих принципов, применимых в области свободы прессы, и заявители не могут привлекаться к ответственности за публикацию их письма неизвестными лицами.

Необходимо надлежащим образом определить рамки настоящего дела: НПО, получив большой объем информации от работников публичной радиостанции округа Брчко (далее – BD), направили письмо, адресованное исключительно высшим органам власти BD (международному контролеру, председателю ассамблеи и мэру BD). В письме они обращали внимание на то, что M.S. не подходит на должность кандидата для занятия должности директора радиостанции BD, и просили указанные органы принять необходимые меры. В результате эти НПО были вынуждены выплатить M.S. компенсацию вреда и опровергнуть письмо, направленное властям.

Мы соглашаемся с тем, что настоящее дело является чувствительным (см. несопадающее особое мнение судьи Вехабовича). Мы также согласны с тем, что заявители не могут квалифицироваться в качестве разоблачителей, и в деле отсутствует необходимость определять, кем они являются. Однако как минимум в части вопросов, доведенных до их сведения работниками публичной радиостанции BD, которые посетили заявителей, чтобы обсудить поведение M.S. на рабочем месте (см. § 24 Постановления), НПО действовали подобно

разоблачителям. Это является важным аспектом дела, которым нельзя пренебрегать.

Кроме того, Конституционный суд Боснии и Герцеговины последовал прецедентной практике Европейского Суда, касающейся жалоб на должностных лиц, и Большая Палата Европейского Суда также признала, что имеется ряд общих черт с этим типом дел (см. §§ 82–84 настоящего Постановления). Сходство действительно имеется: жалобы были выдвинуты (опасения были высказаны) в частном письме, адресованном компетентным органам, относительно неправомерного поведения должностного лица (кандидата на публичную должность). Важным следствием, как указано в § 23 Постановления Европейского Суда по делу «Захаров против Российской Федерации» (Zakharov v. Russia), является то, что требования защиты на основании статьи 10 Конвенции «должны быть оценены не в сравнении с интересами свободы прессы или открытой дискуссии по вопросам, представляющим всеобщий интерес, но в сравнении с правом заявителя сообщать о нарушениях в деятельности должностных лиц в орган, компетентный рассматривать такие жалобы».

Деятельность, подобная деятельности разоблачителей, и сообщение о предполагаемых злоупотреблениях указанных должностных лиц в частном письме требуют применения более индивидуального и мягкого подхода, чем в полностью отличных фактических ситуациях (см. § 82 Постановления).

С учетом этих предпосылок мы считаем необоснованной оценку действительности сведений, содержащихся в частном письме, с той же строгостью, как если бы они содержались в статье, опубликованной заявителями в прессе. В отношении трех элементов (календарь, герб и *севдалинка*), как это можно установить из материалов дела, наличие фактической основы было подтверждено либо самой M.S. (см. § 15 настоящего Постановления), либо внутривластным судом (см. §§ 24 и 26 настоящего Постановления). Действительно, заявления в NIN, газете, публикуемой в Сербии, которая не была доступна на тот момент в Боснии и Герцеговине, хотя выяснилось, что она существует, были фактически сделаны лицом, отличным от M.S. Даже если и так, данный фактор не может оцениваться изолированно и без учета контекста, в котором он был представлен.

Слова в письме «согласно нашей информации» и «надеемся, что вы надлежащим образом реагируете на наше письмо» свидетельствовали о том, что заявители не являлись авторами этой информации и что властям следовало проверить ее вместо привлечения заявителей к ответственности. Мы не согласны с тем, что заявители, НПО, предупреждающие органы власти, были обязаны самостоятельно проверять соответствие информации действительности (см. § 109 Постановления). Обязанность

проверять информацию лежит на органе власти, получающем такую информацию, кроме того, это следовало из текста письма. С учетом изложенного мы заключаем, что четыре спорных высказывания имели фактическую основу, которая была достаточна в контексте дела.

Большинство судей признали особенно важными и применили принципы, разработанные в сфере свободы прессы, а именно, осуществила ли газета разумный объем исследований до публикации, представила ли она сюжет в разумно уравновешенной манере, и предоставила ли она лицам, подвергшимся диффамации, возможность защитить себя (см. § 108 Постановления). Как указано в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу Захарова, эти принципы неприменимы к настоящему делу, поскольку они не учитывают и искажают фактическую основу дела. Это иллюстрирует, например, непригодность требований о предоставлении М.С. возможности прокомментировать частное письмо (см. § 116 Постановления) и обязанности опровергнуть письмо (см. § 119 Постановления), цель которого заключалась в привлечении внимания компетентных властей к тому, что М.С. не подходит для занятия соответствующей должности на публичной радиостанции BD, для того, чтобы они могли принять необходимые меры.

Важно отметить, что на заявителей не может возлагаться ответственность за то, что письмо было опубликовано в трех газетах и поэтому стало известно общественности. В материалах дела отсутствуют доказательства того, что заявители были ответственны за его публикацию. Хотя большинство судей признали этот факт, они, тем не менее, заключили, что публикация открывала возможность для публичной дискуссии, что усугубляло вред, причиненный достоинству и профессиональной репутации М.С. (см. § 106 настоящего Постановления). Это заключение косвенно способствует вынесению решения не в пользу заявителей.

В заключение мы полагаем, что большинство судей пошли по пути, который не подтвержден фактами дела. В настоящем деле имеется важный элемент, касающийся права граждан информировать публичные власти о неправомерных действиях должностных лиц (или кандидатов в должностные лица), которое связано с понятием верховенства права, и оно должно было разрешаться таким образом. Соответственно, мы приходим к выводу, что мотивы, приведенные внутригосударственными судами, не были «относимыми и достаточными» (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Софрански против Республики Молдова» (*Sofranschi v. Moldova*) от 21 декабря 2010 г., жалоба № 34690/05, § 34), чтобы оправдать вмешательство в свободу выражения мнения заявителей.

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ФАРИСА ВЕХАБОВИЧА

К сожалению, я не могу присоединиться к мнению большинства судей, которые заключили, что решение апелляционного суда, в соответствии с которым заявители были привлечены к ответственности за диффамацию, оставленное без изменения Конституционным судом, было совместимо со статьей 10 Конвенции. Я полагаю, что оно не было совместимо и поэтому имело место нарушение права заявителей на основании этой статьи придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи.

«1 мая 1992 г. по радиосети мусульманам и хорватам Брчко было предписано сдать оружие. В городе были развернуты сербские силы, состоящие из солдат, военизированных и полицейских сил. Сербская наступательная операция была направлена на несербское население Брчко. Квартал за кварталом жители направлялись в сборные центры, где сербы были отделены от мусульман и хорватов». Эта выдержка из приговора Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) в отношении Горана Елисича по прозвищу «Адольф» (см.: *Prosecutor v. Goran Jelisi*, IT-95–10-T, 14 декабря 1999 г.) проливает свет на первый день военной оккупации Брчко, как он описан МТБЮ. Сообщения публичной радиостанции сыграли небольшую, но важную роль в первые дни войны в Боснии и Герцеговине.

Через восемь лет после завершения ужасающих событий в Брчко заявители написали письмо высшим органам округа Брчко (далее – BD), а именно международному контролеру BD, председателю ассамблеи BD и мэру BD, пока процедура назначения директора многонациональной публичной радиостанции BD не была завершена. В письме они выразили озабоченность относительно порядка назначения директора этой публичной радиостанции. Они критиковали власти за игнорирование принципа пропорционального представительства этнических сообществ на государственной службе BD, закрепленного в уставе BD. Этот устав является высшим законом BD. Статья 20(1) устава BD предусматривает, что «занятость в публичном секторе округа... должна отражать состав населения».

Вскоре после этого письмо было опубликовано в трех различных ежедневных газетах.

Сразу же после представления письма трем должностным лицам (по-видимому, до публикации письма в средствах массовой информации, см. § 15 настоящего Постановления¹) М.С. (кандидат на должность директора, о которой шла речь в письме) возбудила диффамационное разбирательство в порядке гражданского судопроизводства в отношении заявителей. Суд первой инстанции откло-

¹ «...М.С. указала, что узнала о письме вскоре после того, как оно было отправлено заявителями...».

нил иск, постановив, что на заявителей не могла быть возложена ответственность за предполагаемую диффамацию, поскольку не они опубликовали письмо в средствах массовой информации. Однако Апелляционный суд отменил это решение и постановил, что заявители несут ответственность за диффамацию. Его решение было оставлено без изменения Конституционным судом Боснии и Герцеговины.

Я не согласен с заключением большинства судей об отсутствии нарушения статьи 10 Конвенции по нижеследующим основаниям.

1. Письмо, написанное заявителями, было адресовано высшим должностным лицам ВД в качестве конфиденциального письма с особым указанием на то, что лишь лица, которым адресовано письмо, могли вскрыть и прочесть его (*na ruke*).

Это письмо должно рассматриваться в качестве конфиденциальной корреспонденции между заявителями и органами власти (представленными лицами, которым было адресовано письмо), компетентными рассматривать его содержание. Все последующие события, такие как публикация письма и его содержания, никоим образом не были связаны с заявителями.

2. Распространение письма не может приписываться заявителям.

Мне хорошо известно, что даже при сообщении об определенных фактах, таких как злоупотребления государственных служащих, или при сообщении о совершении преступления заявитель при определенных обстоятельствах может привлекаться к ответственности за написанное, но следует проводить разграничение между явным намерением ложно оговорить лицо или сообщить о преступлении и попытками предоставить компетентным органам дополнительную информацию для рассмотрения таких заявлений.

Во многих странах реализуются государственные кампании по информированию о случаях коррупции. Многие сообщения основаны на недостоверных фактах или неприемлемых оценочных суждениях, но эти сообщения не могут приравниваться к письму, которое, если попадет в средства массовой информации, может повлечь привлечение отправителей письма к ответственности за диффамацию. Следует провести четкую линию между конфиденциальной или частной коммуникацией и распространением информации. Я полагаю, что отправитель конфиденциального (или даже частного) письма не может привлекаться к ответственности за диффамацию, если это письмо раскрыто третьим лицом в средствах массовой информации без участия в этом отправителя, даже если оно содержит совершенно недостоверные факты.

На мой взгляд, в ситуациях, как в настоящем деле, диффамационное разбирательство может быть возбуждено лишь при условии, что заяви-

тель распространяет и сообщает широкой общественности содержание частного письма (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гонсер против Польши» (*Gąsior v. Poland*) от 21 февраля 2012 г., жалоба № 34472/07, в котором заявитель направил частное письмо на польское телевидение, и было ясно, что телестанция не является органом, уполномоченным собирать и обрабатывать дополнительную информацию в целях расследования утверждений заявителя).

Распространение информации является важной составляющей статьи 10 Конвенции. В настоящем деле мое понимание пункта 2 статьи 10 Конвенции, в частности, формулировки «в целях защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально», заключается в том, что конфиденциальные коммуникации между гражданами и различными органами государства, уполномоченными рассматривать различные виды жалоб, не могут влечь наказание или подвергаться ограничениям, кроме случаев, когда такие коммуникации раскрыты общественности. В этом случае конфиденциальное содержание коммуникации автоматически становится публичным и подвергается ограничениям, предусмотренным в статье 10 Конвенции. В настоящем деле ответственными лицами являются лишь лица, распространившие ложную информацию. Они, а не заявители подлежат ответственности за диффамацию.

По данному вопросу суд первой инстанции отметил следующее:

«Очевидно, что письмо ответчиков было адресовано лично мэру, председателю ассамблеи и международному контролеру округа Брчко... и что оно не было направлено в средства массовой информации... цель письма заключалась в привлечении внимания властей к (этим) проблемам, чтобы позволить им сделать определенные выводы о проверке данной информации, а не в публикации непроверенных сведений».

Рассмотрев статьи, опубликованные в средствах массовой информации, суд заключает, что «ни одна из них не была опубликована [ответчиками] по делу¹» (см. § 18 настоящего Постановления).

Апелляционный суд отменил решение, заключив, что «не имеет значения тот факт, что заявители не публиковали письмо...».

Конституционный суд принял факты, установленные нижестоящим судом, что касается вопроса о распространении письма.

3. Письмо было представлено должностным лицам, ответственным за завершение процедуры назначения директора местной публичной радиостанции. Власти ВД являются единственными органами, имеющими полномочия рассматри-

¹ Здесь и далее текст курсивом выделен авторами особых мнений (*примеч. редактора*).

вать обращения и при необходимости принимать дополнительные меры по проведению внутреннего расследования для обеспечения прозрачности процедуры избрания лучших кандидатов на рассматриваемую должность, которая имеет особое значение в многонациональном сообществе, подобном BD.

Я считаю, что в обстоятельствах настоящего дела тот факт, что заявители адресовали свою жалобу путем конфиденциального письма должностным лицам государства, уполномоченным рассматривать данный вопрос, имеет ключевое значение для оценки Европейским Судом пропорциональности вмешательства (см. для сравнения Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яновский против Польши» (Janowski v. Poland), жалоба № 25716/94, § 34, ECHR 1999-I, и Постановление Европейского Суда по делу «Райчинов против Болгарии» (Raichinov v. Bulgaria) от 20 апреля 2006 г., жалоба № 47579/99, § 48). Общая цель письма заявителей заключалась в привлечении внимания властей к определенным нарушениям в процессе отбора кандидатов для назначения директора многонациональной публичной радиостанции. В заключение я полагаю, что сведения в письме касались вопроса, представляющего всеобщий интерес для местного сообщества.

В параграфе 100 настоящего Постановления большинство судей заключили, что «[д]ля оценки в этой части важным фактором является формулировка, использованная заявителями в оспариваемом письме. В этой связи Европейский Суд учитывает, что заявители прямо не указали в письме, что часть информации, переданной ими властям, происходила из других источников». Это неверно.

Заявители никогда не утверждали, что информация, содержащаяся в письме, соответствовала действительности, но предлагали компетентным властям расследовать сообщения, переданные в нем. В письме, в котором они выразили свое беспокойство и изложили некоторые фактические сведения об одном из кандидатов на должность директора публичной радиостанции BD, заявители прямо предупредили о том, что информация, содержащаяся в письме, была непроверенной, используя выражения «неофициальная информация» и «в соответствии с нашей информацией», но их основная цель, насколько я понимаю содержание письма, заключалась не в том, чтобы оскорбить M.S., а в том, чтобы привлечь внимание к тому факту, что бошняки и хорваты были недостаточно представлены в процессе отбора вопреки правилу, предусмотренному уставом BD.

В параграфе 95 настоящего Постановления большинство судей умалили роль должностных лиц, к которым обратились заявители, заключив, что они не имели прямых полномочий в процедуре назначения директора радиостанции.

Все три должностных лица, которым было адресовано письмо, были компетентны и обязаны при-

нимать все необходимые меры для реализации правила, предусмотренного статьей 20(1) устава BD, согласно которому «занятость в публичном секторе округа должна отражать состав населения».

В своей мотивировке большинство судей сосредоточиваются лишь на одной части письма, касающейся утверждений, направленных против M.S., и заключают, что эти три должностных лица не играли роли в процессе отбора, не учитывая тот факт, что публичная радиостанция была учреждена BD, и письмо было адресовано высшим органам BD.

Согласно уставу публичной компании «Радио Брчко» (статья 8, §§ 3 и 4) учредителем радиовещательной компании является округ Брчко Боснии и Герцеговины, и ассамблея округа Брчко представляет учредителя «Радио Брчко». Статья 27(1) предусматривает, что мэр (на тот момент губернатор BD) назначает членов правления публичной радиовещательной компании.

Три этих должностных лица являются единственными органами, уполномоченными рассматривать вопрос состава (или недостаточной представительности) правления и назначения директора публичной радиостанции. Никакое иное учреждение не имеет полномочий на рассмотрение сообщений, подобных тем, которые имели место в настоящем деле.

В параграфе 105 настоящего Постановления большинство судей фактически принимают довод властей Боснии и Герцеговины о том, что спорное письмо служило «средством политического давления», которое воспрепятствовало отборочной панели назначить кого-либо из кандидатов на должность, что равносильно «фактам в альтернативном освещении», предложенным властями Боснии и Герцеговины и принятым большинством. Вопреки его собственному заключению настоящее Постановление явно обращается к данному вопросу в § 35. В этом параграфе Постановления указано следующее: «Согласно протоколу заседания управляющего совета радиостанции BD от 9 мая 2003 г. на пост директора радио были выдвинуты два кандидата, одним из которых была M.S. Управляющий совет решил продлить срок полномочий исполняющего обязанности директора радио, поскольку “в связи с политическим давлением и неоднократным голосованием” не могло быть принято решения в отношении кого-либо из кандидатов». Представляется, что основной проблемой было «неоднократное голосование», что означало следующее: политические партии, представленные в ассамблее BD, и их представители в совете не могли достичь согласия в процессе избрания. Как пояснено в настоящем Постановлении, заявители являются НПО, а не политической партией, которая может влиять на процесс голосования. В результате содержание письма, которое касается M.S., никоим образом не могло повлиять на процесс ее избрания на должность директора. Остается неясным, поче-

му большинство судей придали значение позиции властей Боснии и Герцеговины по данному вопросу, а не официальному протоколу заседания совета. В любом случае большинство судей неверно истолковали протокол заседания совета. Даже хотя большинство судей дистанцируются от линии мотивировки властей Боснии и Герцеговины, отмечая, что М.С. «не была назначена на должность директора радиостанции ВD» (см. § 105 настоящего Постановления), они, тем не менее, ссылаются на ложную предпосылку, представленную властями Боснии и Герцеговины. Настоящий вопрос заключается в том, почему М.С. не была назначена на должность директора. «В связи с политическим давлением и неоднократным голосованием», как отмечено в протоколе Управляющего совета. Может ли это быть вменено НПО? Разумеется, нет. Они не имеют возможности принимать какие-либо политические решения.

В дополнение к этому большинство судей также искажают важнейшую предпосылку, такую как в § 94 настоящего Постановления, в котором они установили, что «[э]ти вопросы, по меньшей мере, значительно беспокоили бошняков, представленных заявителями...». Это очень опасное замечание. Заявителями по делу выступают НПО, и отделение общины является религиозным органом исламского сообщества Боснии и Герцеговины. Даже если они представляют мусульман и некоторых бошняков, любое обобщение очень опасно. Отделение общины представляет интересы лиц, принадлежащих к исламу. Другие заявители являются НПО, и ясно, что их намерение в качестве НПО состоит в продвижении определенных культурных ценностей и общественного положения бошняков, но, опять же, они не представляют бошняков в политическом смысле, что подразумевается большинством судей в настоящем Постановлении. В истории слишком много примеров опасного упрощения подобного рода.

В параграфе 115 настоящего Постановления указывается следующее: «Европейский Суд полагает, что проверка этого факта до его сообщения не требовала особых усилий со стороны заявителей». В то же время большинство судей не смогли установить, какие газеты опубликовали письмо заявителей, или дату его публикации, они также не проверили интервью, которое М.С. предположительно дала газете NIN. Большинство судей пошли даже дальше, требуя, чтобы во всех иных аналогичных случаях, когда о лице сообщается властям, на заявителя возлагалась обязанность предоставить заинтересованному лицу возможность прокомментировать выдвинутые против него обвинения. Было бы интересно посмотреть, например, на г-на Ассанжа, направляющего информацию до ее распространения, лицам, о которых идет речь в его сообщениях, чтобы они дали свой комментарий.

Вывод о том, что требования статьи 10 Конвенции не были нарушены, основан на упрощенном понимании сферы действия статьи 10 Конвенции. Большинство судей просто заключают, что, если факты недостоверны, это автоматически влечет возложение ответственности за диффамацию независимо от иных важных факторов: характера рассматриваемой информации, кому она была сообщена, в какой форме (конфиденциальное или открытое письмо), кем и так далее.

Тот факт, что некоторые обвинения, основанные на этой информации, могут оказаться по результатам расследования необоснованными или неверными, не может сам по себе делать обращение заявителей к властям неправильным. В настоящем деле имеет значение то, что сами заявители не делали определенных или окончательных утверждений о фактах. С точки зрения статьи 6 Закона о диффамации 2003 года они не сделали ничего, что могло бы добросовестно рассматриваться как равнозначное распространению ложных сведений.

Я бы дополнительно подчеркнул, что в подобной ситуации сообщение должно рассматриваться в соответствующем контексте. Следует принимать во внимание необходимость защиты репутации лица, а также необходимость поддержания доверия к публичной администрации путем поощрения активности граждан и рассмотрения их жалоб. Люди имеют право при исполнении своих гражданских обязанностей передавать соответствующую информацию властям и могут, более того, делать это с использованием сильных выражений, пытаясь убедить власти проверить такую информацию, чтобы обеспечить надлежащее управление публичными делами. Иногда лицо может перейти черту, и, если это происходит, может быть необходимо провести оценку степени пропорциональности. В настоящем деле высшие внутригосударственные суды подошли к делу как если бы заявители действительно пошли дальше, чем они должны были. Даже если так и было, суды, по моему мнению, всё же не провели тщательного рассмотрения конкурирующих интересов, затрагивающее пропорциональность государственного вмешательства в право на свободу выражения мнения в соответствии со статьей 10 Конвенции.

Наконец, большинство судей также не учли тот факт, что между судебной и исполнительной властями в Боснии и Герцеговине имел место очень странный симбиоз. Это отразилось в присутствии судьи из апелляционного суда ВD, который непосредственно участвовал в рассмотрении настоящего дела во внутригосударственных судах, в группе Уполномоченного властей Боснии и Герцеговины, представляющего государство в Европейском Суде при рассмотрении настоящего дела. Это является беспрецедентным случаем.

Вместо заключения: следует понимать, что каждое слово, сказанное или написанное в любой фор-

ме или в любом месте, влечет за собой ответственность. У судов Боснии и Герцеговины появляется много работы в связи с оскорбительными словами и сообщениями, распространяемыми различными лицами, главным образом, политиками и политическими партиями. Используя эти слова, они отрицают военные преступления и геноцид и оскорбляют своей ложью лиц, переживших трагическую войну в Боснии и Герцеговине. Они искажают правду, несмотря на факты, установленные МТБЮ и внутригосударственными судами. Позитивным аспектом настоящего Постановления является то, что оно открывает возможности для наказания лиц, ответственных за публичное провозглашение или написание лжи, оскорбляющей иных лиц, но мне интересно, действительно ли в этом заключалась цель тех, кто составлял статью 10 Конвенции ради защиты свободы выражения мнения?

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЭГИДИЮСА КУРИСА

1. Часто говорят, что трудные дела создают плохой закон. Настоящее дело выделяется как трудное благодаря одному решающему неопределимому, а именно кто распространил информацию (которая в действительности была дезинформацией)? Не будь она распространена, вероятно, что данное дело, в котором центральный вопрос затрагивал достоинство и репутацию лица, M.S., опороченную в результате такого распространения среди широкой публики, а не нескольких лиц, которым информация была первоначально направлена, никогда бы не возникло. Большинство судей, подобно Апелляционному суду округа Брчко и Конституционному суду Боснии и Герцеговины, приписали факт распространения данной информации, повлекшего причинение вреда, *исключительно* заявителем.

Не хочу быть неправильно понятым. Большинство судей никоим образом открыто не утверждали, что информация была распространена заявителями. Напротив, большинство судей отметили, что «ответственность заявителей за диффамацию должна оцениваться только в отношении их частной переписки с местными органами власти, а не публикации письма в средствах массовой информации или любых других средствах», и настоящее Постановление содержит неоднократные заверения в том, что «не было доказано, что они несут ответственность за его публикацию» (см. §§ 90 и 91¹ настоящего Постановления соответственно). Заявители были признаны виновными *не в распространении этой информации своими силами, а в том, что она была распространена*, поскольку именно письмо заявителей лицам,

которых они считали компетентными органами, положило начало этому процессу, который до того времени ограничивался циркуляцией слухов в округе Брчко (см., например, §§ 101 и 114 настоящего Постановления). Заявители были признаны виновными не потому, что они начали процесс с целью сознательного получения этого результата, которым были действительное распространение данной информации и возникший вред для M.S., но потому что они дали старт данному процессу. Прямо не обвиняя заявителей в публикации их письма в средствах массовой информации, большинство судей обвинили их в том, что «его публикация открыла возможность для публичных дискуссий и усугубила причинение вреда достоинству и профессиональной репутации M.S.» (см. § 106 настоящего Постановления). Ситуация сопоставима с привлечением к ответственности продавца за «открытие возможности» достичь «конечного результата» в «процессе», в котором он продал ружье кому-то, кто использовал его для того, чтобы застрелить невинное лицо. Однако существует или должна существовать разница между ситуацией, в которой продавец продает ружье кому-то, кто является явно одурманенным разъяренным безумцем, не имеющим документов, и продажей его кому-то, кто имеет все требуемые документы и не имеется оснований подозревать, что это ружье может быть использовано для вредных целей. Возложение на продавца равной ответственности за «конечный результат» в обеих ситуациях не было бы справедливым. Прецедентная практика, которая допускает такое уравнение, *основанное на атрибуции вины* в ситуации, аналогичной ситуации заявителей, не может считаться справедливым законом.

Вследствие этого трудного дела мы имеем плохой закон.

2. Я согласен с доводами, выдвинутыми тремя несогласными при рассмотрении дела Палатой судьями Николау, Цоцория и Вехабовичем, как и со многими доводами последнего судьи, выраженными в его особом мнении в Большой Палате (возможности прочтения которого я был удостоен до написания своего собственного).

3. Прежде всего должен признать, что я также согласен, если не во всех и каждом подробностях, с общими принципами, использованными в настоящем Постановлении. Однако я не согласен с их применением к фактам дела. Это применение основано как минимум на четырех фикциях. Слишком много для одного дела. Тем более, что эти фикции не являются «классическими» правовыми фикциями, которые часто незаменимы для поиска правовых решений в сложных делах. Они относятся к фактическим обстоятельствам. *Все неясные фактические обстоятельства, без единого исключения*, были истолкованы в ущерб заявителям.

¹ Точнее, в §§ 91 и 90 настоящего Постановления (примеч. переводчика).

4. Первой фикцией является предположение о том, что в связи с поведением заявителей диффамационная информация была распространена публично, поскольку именно они направили письмо, содержащее диффамационную информацию властям, даже если понятие «власти» в данном случае охватывает лишь «ограниченное» количество «должностных лиц государства» (см. § 105 Постановления). Заявители считали свое письмо «частным и конфиденциальным» (см. § 54 Постановления). Власти государства-ответчика утверждали, что письмо «не содержало указаний на то, что оно имело конфиденциальный характер» (см. § 58 настоящего Постановления). Последнее утверждение является несколько странным, поскольку оно противоречит в определенной степени даже оценке характера переписки Конституционным судом Боснии и Герцеговины, который признал, что переписка заявителей с властями округа Брчко была действительно частной. Большинство судей признали то же самое, повторив свою оценку частного характера информации несколько раз на протяжении Постановления (см. §§ 33, 71, 83, 90, 91 и 105 настоящего Постановления). Хотя «частный» не во всех случаях может означать «конфиденциальный», утверждение заявителей о том, что это письмо было не только «частным», но и «конфиденциальным», заслуживает более внимательного рассмотрения, особенно с учетом того факта, что оно было направлено не «кому-то», а «должностным лицам государства» «высших органов» округа Брчко, как признано Европейским Судом (см. §§ 10 и 105 настоящего Постановления). Их утверждение также заслуживало более внимательного изучения с точки зрения положений пункта 2 статьи 10 Конвенции, который, будучи единственным положением Конвенции, прямо подчеркивает обязанность и ответственность носителей свободы, позволяет и косвенно призывает к ограничениям свободы выражения мнения для «предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально», по крайней мере, если распространение чувствительной информации может повредить правам личности. К сожалению, настоящее Постановление не содержит анализа того, как власти (должностные лица государства), которым было адресовано письмо заявителей, содержащее такую чувствительную информацию, должны были обращаться с ним в соответствии с внутригосударственным законодательством, или что они в действительности сделали или не сделали для предотвращения раскрытия этой информации, которая могла потенциально причинить вред достоинству и репутации заинтересованного лица. В частности, такому многозначительному факту, что М.С. признала, что она «узнала о письме вскоре после того, как оно было отправлено заявителями» (см. § 15 настоящего Постановления), то есть не после

того, как оно было опубликовано, а до публикации, следовало придать надлежащее значение, что не было сделано. Большинство судей (как и внутригосударственные суды) удовлетворены доводом властей государства-ответчика о том, что «письма, направленные властям государства-ответчика, часто становились достоянием общественности до того, как власти могли принять меры в отношении полученной информации» (см. § 60 настоящего Постановления). Вступившие в качестве третьих сторон организации правомерно предостерегали от низкого уровня защиты граждан, которые сообщали информацию властям, что «поощряло бы утечку информации общественности за счет сообщения компетентным органам» (см. § 63 Постановления), но такое предупреждение прошло незамеченным. Вместо этого большинство судей ограничились признанием того, что «диффамационные обвинения заявителей... попали в прессу» (см. § 106 настоящего Постановления) в ущерб заявителям, а не властям.

5. Вторая фикция составляет вывод о том, что заявители не действовали как в качестве передатчиков информации, поскольку, даже хотя они «отправили свое письмо со словами “согласно нашей информации”...они ясно не указали, что действуют в качестве передатчиков информации» и поэтому «косвенно представили себя как имеющих прямой доступ к этой информации», следовательно, «приняли на себя ответственность за высказывания, включенные в их письмо» (см. § 100 настоящего Постановления). Это просто неубедительно. Означает ли сделанный вывод о том, что авторы писем с сообщениями для властей должны начинать их с прямым предупреждением о том, что они являются «передатчиками информации», и что такие выражения, как «согласно нашей информации», более не достаточны?

Было бы капризом требовать, чтобы заявители «прямо [указывали] в письме, что часть информации, переданной ими властям, происходила из других источников». Воистину Европейским Судом введен странный эпистолярный стандарт. Разве не должен иметь значение весь текст письма? И данный текст содержал слова «согласно нашей информации», что означало, что заявители владеют некоторой информацией, но не они являлись ее конечным источником. Данные слова не предполагали, что они имели «прямой доступ к этой информации». Кроме того, если заявители получили информацию в результате своего прямого или, может быть, косвенного доступа к ее источникам, это вообще не имеет значения. Допустим, тон письма указывал, что заявители полностью верили в то, что их информация достоверна. Однако это не означает, что они «приняли на себя ответственность за высказывания, включенные в их письмо».

6. Третья фикция заключается в том, что заявители должны были и могли проверить информа-

цию, которую включили в свое письмо властям, до его отправки. Конечно, такая проверка была бы наиболее желательной. Если бы заявители, как выразились власти Боснии и Герцеговины, были «более бдительными» (см. § 59 настоящего Постановления) и проверили эту информацию и сами убедились в том, что она недостоверна, возможно, они бы не отправили свое письмо.

Апелляционный суд округа Брчко и Конституционный суд Боснии и Герцеговины придерживались мнения о том, что информация, содержащаяся в письме, могла быть проверена (см. § 33 настоящего Постановления). Я почтительно не соглашусь, по крайней мере, частично. Действительно, информация об авторе или «данной госпоже», как заявители называли M.S. в своем письме, интервью в еженедельнике NIN, могла быть проверена (даже если она была опубликована в другой стране, Сербии). Тем не менее было не так просто проверить информацию, которая служила основой для других утверждений против M.S. В принципе очень трудно проверить правдивость слухов как весьма специфической формы социального общения. Для заявителей было бы еще труднее (как и для многих других лиц, кроме властей, которые, возможно, являются единственными обладателями необходимых административных средств) быть весьма «бдительными» и проверять слухи в таком обществе, как Босния и Герцеговина, которое раздиралось длительным межэтническим недоверием и даже кровавыми конфликтами, особенно если эти слухи затрагивают, как в настоящем деле, самое сердце его недоверия. Легко заключить, что заявителям может и должно было быть вменено в вину «непринятие разумных мер» для проверки слухов (см. §§ 33, 53 и 117 Постановления). Однако при данных обстоятельствах, что было бы более «разумным» для них, чем передать основанную на слухах информацию (которую они искренне считали правдивой) властям для «адекватного реагирования», что по определению предполагало проведение проверки?

У большинства судей есть ответ на этот вопрос. Они утверждают, что «НПО, играющая роль общественного контролера... часто располагает более широкими средствами для проверки и подтверждения достоверности критики, чем лицо, сообщающее о том, что оно наблюдало лично» (см. § 87 настоящего Постановления). Это верно в большинстве случаев. Но может ли такая презумпция быть правильной и полностью применимой в данном конкретном деле? Чем именно эти «более широкие средства» могли быть в отношении почти всех утверждений (то есть, скажем, за исключением связанного с авторством интервью)? Большинство судей не назвали ни одного.

Метод, использованный большинством судей в их анализе, является сомнительным: это *индукция*. Правильно указав, что «проверка этого факта [относительно авторства интервью] до сообщения

не требовала особых усилий со стороны заявителей» (см. § 115 настоящего Постановления), они применили тот же стандарт ко *всем другим утверждениям*. Например, они указали, что заявители не представили... любые доказательства того, что они предприняли усилия для проверки достоверности этого слуха [относительно герба] до его сообщения властям» (см. § 114 настоящего Постановления). Однако (и не требуется углубляться в Дэвида Юма или Карла Поппера) в то время как дедуктивные выводы определены, индуктивные лишь вероятны и должны быть подкреплены дополнительными доказательствами. Поэтому я спрашиваю большинство судей: как именно может быть проверена правдивость слухов в целом, и как можно их проверить во враждебном социальном окружении, в частности?

Большинство судей, по-видимому, признают утверждение о том, что «заявители... были связаны требованием проверки утверждений, выдвинутых против M.S. Это требование содержится в Кодексе этики и поведения НПО... и должно рассматриваться в контексте «обязанностей» в деятельности НПО» (см. § 109 настоящего Постановления). Прежде всего, хотя основополагающие принципы о статусе неправительственных организаций, на которые большинство ссылалось в контексте «обязанностей» в деятельности НПО», говорят о том, чтобы «приветствовать участие [НПО] в правительственных и квазиправительственных механизмах диалога, консультации и обмена» (см. §§ 45 и 86 настоящего Постановления), упомянутый Кодекс этики принят позднее периода, относящегося к обстоятельствам дела, то есть времени, когда заявители направили свое письмо властям округа Брчко. Но еще более важен тот факт, что «заявители... воспринимались и на самом деле действовали как представители интересов конкретных слоев населения BD, усиливало их *обязанность* проверять точность информации до ее сообщения властям» (см. § 109 настоящего Постановления). Я могу согласиться, что указанная *обязанность* «усиливалась». Однако это не означает, что их *возможности* также усилились. Нельзя полагать невозможным, что они могли и уменьшиться.

7. Четвертая фикция следует из первых трех и венчает их. Она заключается в том, что утверждения заявителей против M.S. не составляли требование к властям о проверке этой информации. Действительно тон письма заявителей имел ультимативный характер. Тем не менее (как уже намечалось выше в пункте 6) «надлежащая реакция» «компетентных органов» (которые также должны были ощутить боль¹, пронизывающую жалобу

¹ Кроме боли, компетентные органы безусловно должны были ощутить, что заявители угрожают, как видно из § 11 настоящего Постановления, «в отсутствие любого действия с их стороны обратиться к общественности и [связаться] с международными и иными компетентными представителями» (примеч. переводчика).

заявителей) предполагала проверку информации, полученной от заявителей. Из информации, представленной в Европейский Суд, не следует, что эти органы что-то сделали вообще, по крайней мере, до того, как произошла утечка письма в средства массовой информации, хотя «самая первая» жалоба (полностью проигнорированная большинством судей) не представляется необоснованной, поскольку межэтнический баланс в составе панели отбора директора радиостанции действительно не был соблюден.

8. При таких обстоятельствах я бы приветствовал подобное постановление, которое защищает права личности. К сожалению, постановления, которые защищают права личности от диффамации, являются редкой птицей в прецедентной практике Европейского Суда. Однако при конкретных

обстоятельствах настоящего дела действительно трудно признать, что заявители несут ответственность за обнародование информации, представленной в их письме властям округа Брчко, и за вред, причиненный М.С. этой публичностью. Я должен повторить, что это не то, что большинство судей прямо указывали. Тем не менее вся мотивировка настоящего Постановления является упражнением в импликации путем атрибуции, упражнением, в котором каждое и любое неясное фактическое обстоятельство толкуется в ущерб интересам заявителей, тем самым принижая выражение их обеспокоенности по поводу угроз для слабого межэтнического баланса и гражданского мира в их растревоженной стране и сводя их к банальному распространению слухов и низводя самих заявителей до безответственных и закоснелых клеветников.